Любовь и смерть на карантине

Автор:
Наталья Андреева

Любовь и смерть на карантине

Наталья Вячеславовна Андреева

Любовь и смерть.ru #7

Уже стало понятно, что началась новая эпоха. И жизнь разделилась на до и после. Разделила она и подруг Любу и Людмилу-Апельсинчик разным отношением к ковиду.

Будучи на самоизоляции, неугомонная по натуре Людмила скрытно отправляется гулять в парк. И едва не становится жертвой маньяка. Ее спасает собака, которую хозяин решил выгулять в парке в это позднее время. Друзья решают помочь ей найти нападавшего, тем более что следующей жертве, в отличие от Людмилы, не повезло. Ее истерзанный труп находят утром в этом же парке. Дальше больше… Все в недоумении, что за странный маньяк и при чем тут большая черная собака?

Похоже именно она – ключ, который открывает тайну серийных убийств.

Наталья Андреева

Любовь и смерть на карантине

© Андреева Н., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

«Хроники ковидного заточения»,

упомянутые в романе, – это не вымысел,

а реальная история автора, пережившего

все нижеописанное в январе 2021 года.

Чему есть документальные свидетельства:

тесты ПЦР, справки и электронная

медицинская карта

* * *

Опять она воет… Эта дьявольская собака! С утра, как только ее хозяева, мои соседи по лестничной клетке, уходят на работу, она, оставшись в одиночестве, начинает поскуливать, призывая их вернуться. А потом, поняв, что хозяев опять не будет весь день, до глубокого вечера, принимается лаять. Этот лай становится все отчаяннее и переходит наконец в протяжный непрерывный вой. Я тут же надеваю шумопоглощающие наушники и время от времени прижимаю их ладонями к ушам. Буквально вдавливаю эти черные, шершавые на ощупь кругляши в свой череп, такое ощущение, что они впиваются в мозг, аж искры из глаз сыплются! В этот момент от дикой боли я ничего не вижу. Но зато я СЛЫШУ! Этот протяжный вой, как будто в доме покойник!

Я слышу его даже по ночам, когда собака, счастливая тем, что ее хозяева наконец вернулись, спит на коврике у их супружеского ложа или, быть может, даже в самой кровати, в ногах у мужчины. Они все трое сладко спят. Зато я не я сплю. Мне так и чудится, что она воет. Это уже фантомный, навязчивый звук, умом я понимаю, что его нет. Не существует. Я даже как-то попросил единственного друга у меня заночевать, для чего напоил его дорогим коньяком.

С единственной целью: спросить, как ему спалось?

– Спал, как младенец, – заверил меня Мишка.

– А собака? Она выла?

– Какая собака? – искренне удивился он.

– Вот сейчас… Ты разве не слышишь? – я напрягся.

– Извини, старик, но… У тебя все порядке?

– Ах, да! Сегодня же суббота! – спохватился я. – Они дома, и собака не воет. Хотя… Ты точно ничего не слышишь?

В этот момент мне показалось, что я потеряю единственного друга. Он готов был позвонить в психушку. Я пересилил себя, рассмеялся и хлопнул его по плечу:

– Шутка! Мне просто хотелось провести пятничный вечер в компании. Бухнуть и поговорить о бабах, как мы это делали раньше. До всего этого.

Имеется в виду, до пандемии. Словно в другой жизни. Мы тогда и слыхом не слыхивали про удаленку, про эти чертовы QR-коды, про то, что бары могут быть закрыты после одиннадцати. Господи, да что в них делать-то до одиннадцати? Когда все самое интересное начинается после того, как пробьет полночь!

Поговорить о бабах… А раньше мы их снимали в том же пабе или на улице, полной ночных соблазнов. Когда после утомительной рабочей недели не хотелось ехать домой, именно вечером в пятницу, в предвкушении аж двух выходных дней. И пьяненькая телочка, которая также в пятницу после утомительной рабочей недели навела в ближайшем ТЦ марафет у Лейлы или Зульфии с ласковыми руками: начесалась и накрасилась, обновив ноготочки. Телочка потягивает коктейль с таким видом, словно только и ждет, чтобы ее хлопнули по упругой попке, обтянутой модными джинсами. А дальше – такси, ночной клуб, и снова такси…

Мы неделю ждали этой ночи, когда, пьяные и свободные, будем тусить, а потом трахаться. И что со всем этим стало?!

Эх, была же у нас когда-то жизнь! И свобода. Которую мы не ценили.

А теперь я сижу и целыми днями слушаю, как воет эта чертова собака! И пытаюсь при этом работать. Но ведь это же невозможно! Я не могу выйти из дома, потому что привязан к своему офису и мне в любой момент могут прислать крайне важное письмо, на которое я обязан ответить. Иначе меня уволят с работы. Попробуй сейчас найти другую! Даже если найдешь, это будет та же удаленка. С воющей собакой. Я вдавливаю наушники в череп и через боль пытаюсь прочитать, что мне там написали коллеги? И слышу при этом, как воет собака…

Я ненавижу своих соседей, ненавижу эту собаку, но, когда мы встречаемся у лифта и она с визгом пытается облапать мои колени, царапая когтями единственные джинсы, я через силу улыбаюсь и говорю этим ужасным людям, которых ненавижу страстно, до колик в животе, и даже до судорог:

– Какая милая собачка. Не кусается?

– Нет, что вы! Это очень дружелюбное существо! Вас не беспокоит?

– Нет, – широко улыбаюсь я.

Как доказать людям, что прелестный песик в их отсутствие сходит с ума? Ведь когда они дома, то он молчит, и они справедливо считают его прелестным. Найти свидетелей? Но я ни с кем не общаюсь. Квартира съемная, а сейчас все такие подозрительные. Лица закрыты масками, бывает, в лифте от меня шарахаются, особенно пожилые. Надо соблюдать дистанцию.

Про?клятое время. Чудовищное просто. О, как я ненавижу тех, кто все это придумал! А я уверен, что эта пандемия – заговор. Нет никакого вируса, есть кучка невероятно хитрых и умных людей, к коим я, увы, не принадлежу. Я даже с животным не могу справиться. С какой-то собакой. Выкинуть ее из своей жизни. Но в ближайшее время я обязательно что-нибудь придумаю.

Мне надо как-то пригасить этот вой. Заглушить его чем-то. Отчаянными криками, допустим. Есть ведь на свете что-то погромче этой собаки? Или кто-то?

Покойник… В доме скоро будет покойник…

Она ведь не случайно так старается, эта со…

Все, хватит! Нет ее, не существует. Она – фантом. Это воет мой отчаявшийся мозг всеми своими серыми клетками. Воет по тому, чего никогда больше не будет. По прошлому. Но я могу забыться и поискать.

Совсем скоро Новый год. И я клянусь, что после того как пробьет полночь, я начну жизнь заново. Первым делом покончу с этой собакой. Или с ее хозяевами. Словом, прекращу все то, что меня так мучило. Я уже знаю, как это сделать.

Невозможно доказать людям, что в их отсутствие у них дома происходят ужасные вещи. Эта фраза и натолкнула меня на мысль. Об отсутствии и присутствии. И о преступлении. Как сделать свое отсутствие присутствием. И, соответственно, своим алиби. А после этого расправиться хоть с собакой, хоть с ее хозяевами, хоть еще с кем-нибудь, кто особенно докучает.

И насчет телочек. С упругими попками. Они тоже могут стать доступными даже сейчас, когда мир погрузился в хаос. Можно заполучить их совершенно безнаказанно. Благодаря отсутствию присутствия. Или наоборот?

В общем, разберемся.

* * *

– С наступающим тебя. – Люба с трудом подбирала слова. Никогда еще разговор с Людмилой не давался ей с таким трудом. Люба просто давилась этими банальностями, словно заплесневевшим черствым хлебом, в горле стоял ком, а к глазам подступали слезы. И это в канун Нового года! Когда во всех домах стоял одурманивающий запах оливье и студня! Ну а те, кто побогаче, баловали себя зажаренным в духовке молочным поросенком или индейкой.

Люба взяла в свободную от телефона руку маленькое солнышко, мандаринку, чтобы согреть душу, и принюхалась. Пахнуло любимым праздником, детством, ничем еще не омраченным счастьем. Надо пересилить себя и добавить в надтреснутый сухой тон нотки радости:

– Желаю, чтобы в новом, 2021 году все у вас с Сережей было хорошо, главное, было бы здоровье… Любаше, крестнице моей, крепкого здоровья, твоему сыну Петьке и внуку Максимке…

– Ты весь список решила огласить? – ехидно спросила Люська. – Я поняла: всем здоровья. И вам с Алексеем того же. Это для вас главное. Все остальное у вас есть.

Люба сделала вид, что иронию не заметила.

– Решила позвонить пораньше, пока линия не занята, знаю, что у тебя куча дел, – заторопилась она.

– Была когда-то. А теперь я совершенно свободна. И линию никто не займет. Но я ценю твое внимание. Спасибо, что позвонила. Именно пораньше. Пока меня президент не поздравил, персонально. Или гендиректор телеканала, где я когда-то работала. Да, еще медаль жду. За заслуги перед Отечеством. Я твоему мужу, часом, дорогу не перешла? Он ведь тоже в списке. Награда типа нашла героя.

– Ну, зачем ты так!

– А как?! У тебя все хорошо, у меня все плохо. И я сама во всем виновата. У меня тоже все могло быть хорошо, если бы я, как и твой муж, сделала вид, что верю всему, что сейчас происходит. Но я не верю. И Сережа не верит. Кстати, насчет здоровья. Он, кажется, заболел, так что я сегодня совмещаю две должности: поварихи и медсестры.

– Уж не «корона» ли? – заволновалась Люба.

– Нет. Он простыл. По магазинам ездил перед Новым годом, выходил из машины без шарфа и шапки, весь потный. Скорее всего, бронхит. Сережа подкашливает

и жалуется, что у него голова болит.

– Если что, звони на горячую линию по ковиду: сто двадцать два. Приедут быстро, привезут лекарства. Когда еще врач придет: рождественские каникулы. Поликлиники закрыты.

– Да не ковид у него, сколько тебе раз повторять! – раздраженно сказала Люська. – Нет его! Это все придумали, чтобы загнать людей в цифровой концлагерь!

– Не буду с тобой спорить, – вздохнула Люба. – Если понадобится моя помощь…

– Чем ты мне можешь помочь? – сердито спросила подруга.

Теперь, похоже, уже бывшая. Бывшая подруга – как горько это звучит. Как будто взяли и отрезали полдуши. Менялись мужья, приходили и уходили любовники, непостоянной была работа, дом попал под реновацию, соответственно, и жилье оказалось величиной непостоянной. И только Люська-Апельсинчик была у Любы всегда, а она у нее. С самого детства. Солнышко с яркими волосами, которые подруга красила в немыслимые цвета, женщина-праздник по прозвищу Апельсинчик, маленькая, округлая, неуемная в своих фантазиях.

События, начавшиеся ровно год назад, перепахали жизнь многих, изменили ее кардинально. Люди разделились на два лагеря: тех, кто верит в коронавирус, и тех, кто нет. Кто ратует за ношение масок и перчаток и соблюдение социальной дистанции, и кто говорит, что это полный бред.

Люська-Апельсинчик всегда была анархисткой. Еще со школы, когда Люба тянула ее на аттестат. А подружка предпочитала зажигать на дискотеках и крутить романы. Уж очень они разные, но говорят ведь, что крайности сходятся. Люба, как и все, никогда не верила, что случится ЭТО. Мир накроет пандемия, а их с Люськой отношения, которые чего только не выдержали, каких проверок, в том числе и смертью, окажутся на грани разрыва по… господи! Политическим мотивам!

Сергей Иванов, Люськин муж, айтишник, был возмущен введением QR-кодов, всей этой коронавирусной истерией и локдауном. Его отправили на удаленку еще прошлой весной, Сергей так и сидел на ней, заметно потеряв в зарплате.

А Людмиле, персоне медийной, предложили сняться в рекламе с медицинской маской. Призывая всех носить ее и перчатки и соблюдать социальную дистанцию. Муж сказал: или-или. Мне такие деньги не нужны, моей дочери тоже. Людмила выбрала семью, потому что дорожила ею больше, чем работой. Последовали санкции, и в итоге руководство телеканала закрыло ток-шоу Людмилы Ивановой, сославшись на низкие рейтинги.

Поскольку Любин муж работал в ФСБ, хоть и в отделе компьютерных преступлений, но все равно на государство, занимаясь его безопасностью, у самой Любы вариантов тоже не нашлось. И не потому, что муж на нее давил. Она считала, что знает гораздо больше, чем подруга, к тому же может проанализировать ситуацию, значит, имеет право на другое мнение. Люба тоже дорожила своей семьей, хотя детей у них с Алексеем так и не было. И многолетняя дружба с Апельсинчиком дала трещину. Которая все ширилась.

Настолько, что они с Люськой еще прошлой весной перестали общаться. Люба первая нашла в себе силы и позвонила, чтобы поздравить Апельсинчика с Новым годом. Хотя могла бы ограничиться картинкой в мессенджере, как они в последнее время и делали. Слали друг другу гифки: с 8 Марта, с Победой, «Поздравляю с Днем рождения!». Да, и до этого дошло. Это был первый Любин день рождения, на который не пришла ее единственная подруга. Чуть ли не самый близкий человек.

И теперь это ледяное:

– Сама справлюсь. Алексею привет. Я вам тоже желаю здоровья. С наступающим.

– Если что звони… – но в трубке уже было молчание. Разговор прервался.

Люба тяжело вздохнула. Ей было одиноко без Апельсинчика и ее шумной семьи в их с Алексеем огромном загородном доме. Подруга до всех этих событий охотно и часто приезжала, они устраивали вечеринки, чудили. Люська – огонь просто! Этакий живчик, зажигалочка. Во время пандемии сама Люба тоже ушла на удаленку. Лекции, семинары – все теперь было дистанционно. И Люба не могла не признавать, что это идет во вред учебе. Прием пациентов тоже приходится вести удаленно. Совсем как в те далекие времена, когда Люба, тогда еще по первому мужу Петрова, после ужасной аварии и выкидыша страдала агорафобией и вела консультации только по Сети. Теперь чуть ли не у половины

эта агорафобия! Боязнь покинуть четыре стены. Но что делать? Леша говорит: все серьезно.

– Надулась? – Муж положил ей руку на плечо. Люба невольно вздрогнула:

– Ты как кот подкрался. Неслышно.

– Не хотел спугнуть твое примирение с лучшей подругой. Но, похоже, напрасно старался. Люська упертая.

– Она и в самом деле не верит в коронавирус. Называет его барановирусом, талдычит про какой-то золотой миллиард. Мол, в живых оставят только избранных, а остальных – под нож. Скажи мне честно: кто прав?

– Этого никто тебе сейчас не скажет, – муж грустно улыбнулся. – Просто живи, поняла? Кстати, что у нас на ужин? Праздник, как-никак. Хоть и грустный. Боюсь, новостей, которых мы так ждем, не будет. Масочный режим затянется надолго. И пандемия тоже.

– Я заказала еду в ресторане. Себе рыбу, тебе мясо. Закуски какие-то, пару салатов. Я по-прежнему не умею готовить.

– Я и не надеялся на лучшее, когда на тебе женился. Только на понимание. Рад, что не ошибся. Ну, не реви. Она вернется. У Ивановой полно недостатков, но она незлопамятная. Я тебе предсказываю… – Он сделал загадочное лицо. – Не далее как в каникулы ваше примирение состоится… Кого-нибудь убьют, и вы снова кинетесь на поиски маньяка. Люська еще будет рыдать у тебя на груди.

Люба вытерла слезы. Надо Новый год встречать. По крайней мере, она первой сделала шаг к этому примирению.

Звоните 122

– Горло болит? – допытывалась Люся у мужа. – На градусник. Мерь!

– Да все со мной нормально, – хрипло ответил тот. – Я же тебе говорю: продуло.

– Поговори мне! Господи, сгорит ведь! – Она кинулась к плите.

Там, в духовке, румянилась курица с овощами. Праздник есть праздник, хотя бюджет у них теперь скромный. После увольнения с телеканала Людмила с отчаянием ударилась в блогерство. Теперь все деньги были в Интернете. Звезды Ютуба и ТикТока гребли их лопатой. Не отставали топы Инсты и Дзена. Телеграм подтягивался. Читая о том, сколько знаменитые блогеры получают в месяц, а то и в день, Люська только ахала: неужто правда?!

Она готова была снимать ролики, петь, плясать, тараторить без умолку на всех без исключения интернет-ресурсах. Завела блоги и в Инсте, и ВКонтакте, и в Телеграм. И, разумеется, на Дзене. Да где только не завела! Она неистовствовала и обличала, не гнушалась хайповать и постить свои пикантные фото. Но дело все равно шло плохо.

– Мой поезд ушел, – жаловалась она мужу, строгая оливье. – Я опоздала, Сережа. Сделала ставку на ящик, на свою медийность. А в Сети свои звезды. Теперь все с нуля. А я уже старая. За полтинник перевалило. Ну чем я могу заинтересовать публику? Так, чтобы в моих блогах размещали рекламу на миллионы.

– Мы с голоду не умираем, многим сейчас хуже. Хотя бы долгов нет. – Сергей закашлялся.

– Пока нет. Я, конечно, вспомню годы молодые. Научусь опять варить кашу из топора. Но ведь обидно! Кто-то деньги сейчас лопатой гребет! Я-то чем хуже? А?

– Падать больно.

– Что ты сказал? – Она облизнула ложку и обернулась.

– Ты высоко забралась. Эфиры, медийность. Миллионные гонорары. А тут – курица с картошкой, – и муж опять закашлялся.

– Любке, вон, хорошо. Выскочила замуж за своего фээсбэшника на старости лет. Глядишь – усыновят кого-нибудь. Денег полно, чего не жить?

– Завидуешь?

– Знаешь, да! Я бьюсь, как рыба об лед, все понять не могу: ну чего им надо, людям этим? Каких развлекух? За что они готовы заплатить?

– За твои слезы, – грустно улыбнулся муж. – Больше ни за что. Ты слишком долго звездила.

– Господи, градусник! – спохватилась она. – А ну дай!

– Нормальная температура, – муж незаметно отодвинул градусник за вазочку с конфетами.

– Серый! Не смей стряхивать! Дай сюда, сказала! Мне ко всем моим несчастьям не хватало только вдовой стать!

– Это всего лишь температура.

– Дай сюда, я кому сказала! – повысила она голос. Муж покорно протянул градусник. – Ого! Тридцать восемь и три!

– Не сорок же.

– Ну а как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – бодро сказал муж, но она уловила в его голосе усталость.

– Блин, весело Новый год начинается! Хоть доча дома. Затаилась, как мышь. С женихами, что ли, переписывается? Или в ТикТоке сидит?

– Отстань от нее.

– Черти бы побрали эту удаленку! Они, вон, не учатся совсем! Все блогерами хотят стать! Тиктокерами! Правильно, а зачем учиться? Проще кривляться на камеру, да еще с подружкой.

– А сама? – улыбнулся Сергей. – Конкуренции боишься?

– На! Жаропонижающее выпей! Шампанского два бокала, не больше. И то теплого.

– Смысл в теплом шампанском?

– Тогда никакого, – отрезала она.

…Эта новогодняя ночь была одной из самых ужасных в ее жизни. За окном грохотало и сверкало до утра, и также до утра у мужа поднималась температура. Ему становилось все хуже. Жаропонижающие не помогали. Сном они забылись около пяти. Именно забылись, потому что Людмила то и дело вскакивала и кидалась к мужу. А он пылал.

Следующие три дня прошли как в кошмаре. Температура не падала, добавились кашель и насморк. Поликлиники были закрыты, каникулы наступили.

Людмила теперь читала только о ковиде, все подряд. О поражении легких и смертельных исходах даже у молодых людей. Не верить – это одно, когда это не касается тебя лично. Но что делать, если рядом страдает твой любимый и ему так плохо, что он с трудом говорит? И ничего из лекарств не помогает.

– Антибиотики нужны, – угрюмо сказала она. – Не падает температура. Уже который день.

– Ну, так купи, – прохрипел Сергей и закашлялся.

– Ага, сейчас. Не продают их теперь в аптеке, чтобы самолечением не занимались. Как началась эта пандемия, так и завинтили гайки. Что делать-то, а?

Муж смотрел на нее беспомощно, как ребенок. Людмила понимала, что он не в состоянии принять решение. И раньше-то она всем рулила. А теперь Сережа просто лежит и умирает. Умирает?!

…Она взад-вперед ходила по кухне.

– Ма, ты чего? – испуганно спросила дочь.

– Надень маску и иди к себе в комнату!

– Маску?! – Любаша смотрела на нее удивленно. – Ты же говорила, что никакого ковида нет!

– Отец кашляет и чихает! А я не знаю, что с ним! Живо надевай маску!!! – заорала она.

– Поесть можно хотя бы?

– Я принесу еду к тебе в комнату. Не выходи оттуда, я тебя прошу.

Позвонил сын:

– Ма, мы скоро выезжаем!

– Нет!

– Не понял?

– Отец заболел.

– Ну и что? Ты сама говорила…

– Мало ли, что я говорила! У тебя ребенок маленький! Дома сидите, понял? – рявкнула она.

– Что, так все серьезно? – напрягся сын.

– Пока не знаю.

– Ну, вызови врача.

– Когда еще он придет. Если только…

Она задумалась. Надо чтобы быстро. Сейчас к пациенту бросаются со всех ног, только если у него ковид. Выбора нет. Она взяла мобильник и торопливо набрала 122. Ответили быстро, спросили, что случилось. Людмила торопливо перечислила симптомы.

– Ждите, врач скоро будет, – ответили ей.

Он и в самом деле пришел скоро: импозантный мужчина с седыми висками. Оказался очень внимательным, осмотрел Сергея, особенно тщательно горло.

– Не ковид? – с тревогой спросила Людмила.

– Да не похоже. Скорее бронхит. Сколько, вы говорите, температура уже держится?

– Пятый день.

– Вот вам антибиотики, – врач выложил на стол лекарства. – А для вас с дочерью арбидол. Мазочек я все-таки возьму. Так положено.

– И у меня с Любашей?

– Нет, пока только у вашего супруга.

Сергей с готовностью открыл рот.

– Сколько мы вам должны, – спросила Людмила, кивнув на лекарство. Недешевое, как она прикинула.

– Ни сколько, – улыбнулся врач. – Мэрия за все платит.

– Что ж, спасибочки.

– Чушь все это, – сказал Людмиле муж, когда врач ушел. – У меня банальный бронхит.

– Ты лучше вон, антибиотики пей! – Она заметно успокоилась, получив медицинскую помощь.

Сергей покорно выпил лекарство. В эту ночь ему даже удалось уснуть. Измученная Людмила отрубилась, когда поняла, что температура у мужа наконец упала. Проснулись они оттого, что на тумбочке блямкнул телефон: пришла какая-то эсэмэска.

– Кому там неймется в праздники? – проворчала Люська и перевернулась на другой бок. Муж потянулся к телефону.

– Твою мать!.. – услышала она и резко села. Сергей редко матерился:

– Господи, что случилось?!

– У меня ковид!

– Шутишь?

– На – читай!

Она, продрав глаза, уставилась на дисплей.

«Вы сдали тест на коронавирус (мазок) 4.01.2021. Результат вашего анализа положительный…»

– Твою мать!.. – заорала и она. – Серый, у тебя ж ковид!!!

– И что теперь делать? – беспомощно спросил муж. У него опять поднялась температура.

– Жди «космонавтов»! Бригаду. Вон, пишут. Приедут к нам скоро. В защитных костюмах и масках. Пей таблетки! Живо!

– Как будто это что-нибудь изменит, – прохрипел Сергей, но покорно проглотил лекарство.

…Они приехали около двух: врач и медсестра из поликлиники, к которой Людмила с мужем и дочкой были прикреплены. Все это время Апельсинчик ходила из угла в угол, гадая: и что теперь будет? Увезут Сергея в больницу или нет? А как же КТ? Такие страсти пишут. Про поражение легких и так далее.

К двум, когда раздался наконец звонок в дверь, она была полностью деморализована. Иначе не приняла бы судьбу с такой покорностью.

Врач с медсестрой вели себя так, будто ничего из ряда вон не происходит. Видать, насмотрелись уже. Первым делом они стали заполнять кучу документов. После десяти минут писанины Людмила не выдержала:

– Может, вы наконец моего мужа осмотрите? У него же ковид!

– А чего мы там не видели? Есть мазок, врач вас осматривал. Вот вам еще антибиотики. Температура ведь не падает?

– Нет. То есть падает и снова поднимается.

На стол легли две пачки таблеток. Врач стал объяснять, как надо их принимать, Людмила торопливо записывала.

– Подпишите, – перед ней легла бумажка.

– Что это?

– Согласие на самоизоляцию. И вашей, и дочери. Вы все трое будете две недели, начиная с этого момента, находиться дома.

– Но как же? – растерялась она. – Мы не готовы! У нас, вон, холодильник пустой!

– А никто не готов, – неожиданно рассмеялся врач. – Подписывайте. Так положено.

Она машинально, в полной растерянности поставила свой крючок. Как обухом по голове. Жалобно спросила:

– И мусор выносить нельзя?

– Нет. За нарушение – штраф. Там все написано, – врач кивнул на подписанную ею только что бумажку.

– Но ведь вонять будет! Это же мусор!

– Вы в казаки-разбойники в детстве играли? – неожиданно подмигнул ей врач.

– Конечно!

– Ну, так надо дальше объяснять?

Она все поняла. Партизанить, значит, придется. Не жить же с воняющим мусорным ведром под раковиной?

– У вас еще есть время, – сжалился над ней врач. – До завтрашнего утра. Вас не сразу подключат к социальному мониторингу.

– А что это такое?

– Там все написано, – он опять кивнул на бумажку. – А теперь мазок.

Медсестра открыла пакетик с тестом ПЦР и встала. Людмила покорно открыла рот. От неожиданности она закашлялась: палочку для того, чтобы взять мазок, засунули глубоко.

– Все уже, – недовольно сказала медсестра. – Что ж вы все такие нервные?

– Занервничаешь тут, когда ковид! – огрызнулась она. Ей тут же бесцеремонно залезли в нос. Потом в кухню, где проходил «прием» вошла Любаша.

Визит бригады медиков длился недолго. Когда они ушли, Людмила в растерянности спросила у мужа:

– Серый, а что такое социальный мониторинг? Что я подписала-то?

– То, что ты не читала, – прохрипел муж. – Откуда я-то знаю?

Она придвинула к себе бумажку, потом залезла в Сеть. Оказалось, что на протяжении двух недель ей будут приходить эсэмэски от службы социального мониторинга с требованием сделать селфи и выслать им. Потом проверят геолокацию. За нарушение ждут серьезные штрафы. Вплоть до уголовной ответственности!

– Вот я дура! – закричала она. – Зачем я только это подписала!

– Не ори, что-нибудь придумаем, – поморщился муж.

– Я в магазин! Любка – дома сиди, поняла?

– Я могу с тобой… – заикнулась было дочь.

– Всем – ша! Мать виновата, мать исправится!

Она еле донесла до подъезда полные сумки. Подумала, что зря отказалась от Любашиной помощи. Но сегодня Апельсинчик явно тормозила. И делала ошибку за ошибкой.

…После того как Людмила приготовила ужин, она вспомнила, что несколько дней ничего не писала в своих блогах. Они небось окончательно захирели. Но должны же люди понять?

Она торопливо зашла на свой канал в Дзене и написала статью:

Звоните 122: как реально работает горячая линия «Ковид»

Мой вам совет: если с вами случилось то же, что и с нами, действуйте по этой схеме. В ночь на 31 декабря у мужа поднялась температура выше 38. Ее удалось сбить, и несколько дней была болтанка: 37,2… 37,4… Нос заложен, в ушах пробки, болит горло, общая слабость. Но главное – температура опять поднимается! Сегодня пятый день, улучшений нет. А праздники. Первого января – его вообще нет. Второго пошла в магазин, так там продавцы с такими лицами, будто накануне они похоронили личное счастье.

И что делать? Муж, убей, не помнит, к какой поликлинике прикреплен, он туда вообще ни разу не ходил. Ну да, человек никогда не брал больничный. Еле-еле полис нашли. И что дальше?

По совету подруги решила позвонить на горячую линию по ковиду: номер 122. Симптомы-то присутствуют. Ждать не пришлось: оператор ответил тут же. Спросил: что случилось, записал адрес, телефон и номер страхового полиса. Сказал, что врач до вечера приедет.

Прошло всего два часа, и в дверь позвонили. Приятный мужчина в маске, в бахилах, с двумя чемоданчиками. Мужа осмотрели, послушали, задали вопросы о самочувствии. Сказали, что по признакам на ковид не похоже, но все равно надо сдать тест. Муж заполнил форму, и тест взяли тут же. Двумя палочками, мазок из носа и из горла.

Сказали: результат будет через три дня. Придет на номер телефона. А пока сидеть дома. Да и куда супруг пойдет в таком-то состоянии? В основном лежит и дремлет, одним глазом глядя в экран.

Нам оставили бесплатные лекарства: арбидол и антибиотик, поскольку температура держится со среды. Сказали, что, если ковид подтвердится, приедет бригада и лечение изменят.

Поразила оперативность, ну и лекарства. Прямо скажем, недешевые. Тест тоже бесплатный. Вот такая в столице медицина.

Номер 122 реально работает. Не надо голову ломать, куда обращаться и где сдавать тест, если беда приключилась, к примеру, в рождественские каникулы. Очень удобно, мы это оценили.

Я думала, что это не ковид. Сама я чувствую себя нормально, маску дома не ношу, да и не изолируюсь от супруга. Температура нормальная, просто волнение за близкого человека. Так долго он еще не болел. Может, усталость накопилась.

В общем, будьте здоровы в новом году!

Продолжение следует…

– Что ты там строчишь? – хрипло спросил Сергей.

– Работаю.

* * *

Любите ли вы, лежа в мягкой траве, смотреть на небо? Держу пари, что да. Кто ж этого не любит? Особенно когда по небу плывут белоснежные облака. Каждое облако на что-то похоже. Или на кого-то. Зависит от фантазии. Так можно часами лежать и фантазировать, уносясь мыслями в неведомые дали. Тело становится сначала расслабленным, а потом и вовсе невесомым, и все печали и беды уплывают на спине огромного слона или между горбами белоснежного верблюда далеко-далеко, в страну снов. Словно и не было ничего.

…Фантазер, так она меня называла. Мы любили делать это на пляже. Меня всегда вдохновляли морские волны. Гораздо больше, чем облака, хотя и на небо я могу смотреть бесконечно. Мне казалось, что волны – это диковинные звери, которые приближаются к нам, чтобы все как следует разглядеть, но, испуганные нашими страстными стонами и ритмичными, тоже волнообразными движениями, отступают, едва коснувшись лапами песка. Или копытами. Они были такие разные, эти волны-звери, каждый раз новые, непохожие на тех, что мы так напугали накануне. Я, наверное, эксгибиционист. Мне нравится, когда кто-то наблюдает, как я трахаюсь. Но только если этот кто-то – животное. Собака там или кошка. Но лучше собака.

Хотя и похожие на сказочных персонажей волны меня в этом плане вполне устраивают. Они словно хотели у нас научиться, как заниматься любовью, но каждый раз пугались: уж слишком это было смело. Я видел их забавные

мордочки и говорил своей подружке:

– А этот похож на олененка Бэмби. У него рожки. А рядом, смотри! Мама его. Какие они забавные. Настоящий зоопарк.

– Ну ты и фантазер! Облака у тебя похожи то на верблюдов, то на черепах, а волны, видишь ли, звериные морды!

– Мордочки. Они прикольные. Ты посмотри, посмотри…

Она смеялась. У нее-то не было фантазии. Совсем. Тогда я еще не понимал, что это бесчувственность. Люди, лишенные фантазии, они черствые. Приземленные. И у них нет сердца. Мне надо было понять это раньше, прежде чем все это со мной случилось. Весь этот ужас…

А я с детства такой. Фантазер. Мама порою сердилась, когда я застывал у какой-нибудь витрины. И говорил:

– Этот тортик похож на бульдога. А пирожное с белой глазурью – на барашка.

Я мог их разглядывать часами…

А теперь страдаю от того, что за стенкой с утра до вечера воет чужая собака…

…Итак, будущее я себе обеспечил. Теперь мне надо продержаться до того момента, когда я смогу реализовать свой план. На это, возможно, уйдет даже несколько лет, но надо соблюдать осторожность. Я ведь не хочу оказаться в тюрьме. Хотя мы все давно уже там. В цифровом концлагере. Но шанс вернуться к нормальной жизни все еще сохраняется.

Мне просто надо дожить до этого счастли-

вого дня. Когда скажут: все, пандемии больше нет. Долой перчатки и маски! Братайтесь, люди! Не соблюдайте больше никакой дистанции! Вы не заразны! Да здравствуют разгульные пятницы и Новый год в Египте или на далеких экзотических островах! Да здравствует секс на пляже! Снова и навсегда!

Границы открыты! Езжайте куда хотите!

Я верю: все это еще будет. Мне просто надо дожить… К тому моменту я буду готов настолько, что смогу убить голыми руками, не прибегая ни к ножу, ни к пистолету. И да свершится!

Но эта собака… Этот вой… Он сводит меня с ума. Все, пора действовать. И насчет телочек… Мне бы хоть какую. Секс по Сети уже осточертел. Это все суррогаты. А я хочу реальную женщину, теплую, мягкую, живую… Сейчас не разберешь: красивая или нет? Все поголовно в масках и стараются одеваться удобно, а не красиво. И это тоже надо пережить.

Хоть какую… А то у меня уже крыша едет от длительного воздержания.

Итак, я стал невидимкой. Вперед!

Врачам больше не подливать

– Ну и зачем ты все это написала? – сердито спросил муж.

– Чтобы люди знали. Нам ведь реально помогли.

– А про ковид почему тогда не сказала? Результат моего теста уже известен.

– Интрига. Не все же сразу.

– Ты решила на моей болезни пиар сделать? – Сергей закашлялся.

– Меня, здоровую женщину, на две недели заперли дома! Должна же я как-то развлекаться! Вон, глянь! Сразу – пятьдесят комментов!

– Ну да. Пишут, что ты дура. Мол, потерпеть не могли, бригаду вызвали. Теперь сидите, отмечайтесь.

– Я что-нибудь придумаю. Умные люди пишут, что выход есть. Я с утра Инет мониторю. Не одни мы так попали. Надо сказать, что у меня телефон кнопочный. И что на него нельзя установить приложение «Социальный мониторинг».

– И что это даст? – насмешливо спросил муж.

– Освободят из этого идиотского заточения, раз я не могу делать селфи.

– Ну, попробуй.

– И попробую! Вот, уже звоню в техническую поддержку.

С техподдержкой соцмониторинга Апельсинчик договорилась быстро. Они все поняли, записали заявку и присвоили ей номер. Мол, ждите прибор слежения. Его на днях привезут.

– Понял, как надо? – Людмила показала мужу язык. – Я свободна еще как минимум сутки. Заявка есть, и, пока ее не выполнят, меня не имеют права оштрафовать!

– А я не хочу врать. Я айтишник, неужто я скажу, что у меня гаджет кнопочный? Кто ж поверит?

– Ты и так будешь дома сидеть. Потому что ты болеешь. А вот я не собираюсь. А если ты айтишник, то давай шевели мозгами. Как обмануть этот чертов мониторинг, если уж я вляпалась? Сереж, может, нашлепать этих селфи про запас? И отсылать им, как только эсэмэска придет.

– Не получится. Надо в режиме реального времени. К тому же после отсылки селфи включается геолокация.

– А я без телефона буду гулять! Сэлфи эти ты отсылать будешь.

– Люда, не дури, – муж крайне редко называл ее так: Людой. Она увидела, что Сергей всерьез разозлился. – Не можешь две недели дома посидеть? А вдруг и у тебя ковид?

– Нет у меня никакого ковида! Ты сам говорил, что его нет!

– Но есть закон. Вплоть до уголовной ответственности. Ты сама подписала согласие.

– Я просто растерялась.

– Но ты его подписала!

– А я не хочу сидеть дома! Не хочу и не буду!

– Штраф четыре тысячи, если тебя засекут. Потом пять тысяч, – сухо сказал Сергей. – Если у тебя деньги лишние – вперед. Заработаешь в своем блоге на статейках о больном муже, и можешь заплатить эти деньги московской мэрии.

– Да ни за что!

– Тогда сиди дома.

Она всерьез разозлилась. Мужу опять стало плохо, и он лег. Любаша закрылась в своей комнате в обнимку с гаджетом. Им, молодежи, вообще наплевать, дома они или нет. Не важно где, лишь бы у ребенка соску не отняли, гаджет его любимый.

«Но надо же их кормить-поить! Эта обязанность всегда лежала на мне, – озабоченно подумала Людмила. – Позвоню-ка я Петьке».

– Привет, сына. У папы ковид.

– Что?! Ты так шутишь, ма?!

– Нет. Чистая правда. Нас на две недели запетюрили на социальный мониторинг. Выходить из дома нельзя. Даже мусор выносить. Но я что-нибудь придумаю.

– Ма, может, не надо? А то я тебя знаю.

– Нет, надо!

– Вам чем-нибудь помочь? Продукты привезти?

– Пока все есть. Я придумала, как еще дня два не подключаться к этому чертову мониторингу. Сейчас буду дальше думать. Но если что – я тебе позвоню.

– Ты держи меня в курсе. Как отец?

Петька называл отчима папой, хотя был уже взрослым, когда мама в который раз вышла замуж. Но этот ее брак в отличие от многих других оказался наконец на редкость прочным. И Петя стал звать Сергея отцом. Не сразу, но стал.

– Папа более или менее. Температура держится, но не повышается, уже хорошо. Я буду тебе звонить.

– Каждый день, поняла? – строго сказал сын. – Ты у меня как ребенок. А отец болен. Я тебя сам проконтролирую.

– Тоже мне нянька! – фыркнула она, но было приятно.

После разговора с сыном Людмила, пересилив себя, набрала номер бывшей лучшей подруги. Если уж выбирать между тюрьмой и гонором, то можно и перетерпеть. Воспользоваться связями, чтобы выйти на свободу.

Люба звонку обрадовалась:

– С Новым годом! – радостно сказала она.

– Да уж, праздник так праздник. Ковид у нас.

– Да ты что?! И у тебя с Любашей?!

– Нет, пока только у Серого нашли. Наши тесты еще не пришли.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Можешь. Я тут сдуру бумагу подписала. Согласие на социальный мониторинг. Ты спроси у своего фээсбэшника: может, он договорится? Ну, чтобы меня не подключали. Соскочить бы.

– Я сейчас дам ему трубку. Сама с ним поговори.

Она услышала, как подруга зовет мужа.

– Иванова, привет, – услышала Людмила в трубке подзабытый голос Леши Градова. Заматерел. Начальник! Настоящий, блин, полковник!

– И вам здрасьте.

– В своем репертуаре. Видать, тебе чего-то очень надо.

– Угадал, Лешенька, – сладко пропела она.

– Да еще и актрису включила. ЧП вселенского масштаба, не иначе.

– У Серого ковид, а нас с дочкой посадили на социальный мониторинг. Теперь надо по запросу селфи эти дурацкие отсылать. Леш, ты не мог бы по старой дружбе меня снять с этого мониторинга? – завиляла хвостиком она.

– А что показал твой тест?

– Да еще нет результата. Но я себя чувствую прекрасно.

– Я думаю, Иванова, что тебе полезно будет пару недель посидеть дома. А то у тебя шило в ж..пе. Вот и сядь на нее ровно. Расслабься. На пользу пойдет.

– А я не хочу!

– А придется.

– Значит, ты не хочешь мне помочь?

– У тебя мозги набекрень. И всегда так было. Во имя твоего же блага: сиди тихо.

– Ну не гад? Сам-то кем раньше был? Хакер несчастный!

– Я смеясь простился со своим прошлым. А вот ты, похоже, в нем застряла.

– Дай трубку Любке!

– Я тебя предупредил. Если ты меня не послушаешь, то во что-нибудь вляпаешься. И прибежишь за помощью. Давай попробуем этого избежать, а? Иванова?

– Начальником стал? Мораль мне вздумал читать? Мент ты. Правильно вас не любят.

– Ты еще пожалеешь о своих словах.

– Любу мне дай! – повысила голос она.

– Люся, ты бы послушала Лешу… – раздался в трубке умоляющий голос подруги.

– Богатые стали, да? Законопослушные граждане с Рублевки.

– Мы не на Рублевке живем.

– Но все равно в коттедже. В своем миллионерском поселке. А нас, бедняков, гнобите. Ну, ничего. Отольются вам наши слезы.

– Люся, что ты несешь?!

– Подруга называется. И муж твой… – Ее уже несло. – Первый раз у вас помощи попросила.

– Ну, далеко не первый.

– Счет мне решила выставить? Ладно, бывай. Чтоб вы подавились своей фуа-грой с трюфелями!

– Апельсинчик…

Но она уже не слушала. Градов гад! Ведь все может! У него власть! Он умный! Ему этот мониторинг щелкнуть, все равно что орех разгрызть! И ведь отказал!

– Люда, не доставай людей, – муж, похоже, слышал, как она поругалась с Градовыми.

– Это кто люди-то? Буржуи эти недорезанные?

– Людмила! Прекрати немедленно! Совесть есть у тебя? Люба столько для нас сделала. Она твоя лучшая подруга!

– Была, да кончилась. Все. Точка. Никогда ей больше не позвоню.

Одна радость: подписчиков привалило. И комментарии посыпались. Она, разгорячившись, настрочила: «Хроники ковидного заточения». Взяла листок бумаги и нарисовала четырнадцать клеточек. Именно столько дней ей придется провести взаперти.

– Буду каждый день зачеркивать по цифре. Мрак просто! Четырнадцать, Серый!

Муж сердито молчал. Она взяла подписанное согласие сфоткать и вдруг расхохоталась:

– Сереж, ты глянь! Вместо «подпись» врача здесь написано: «подлить»! Какая забавная опечатка! На коленке, что ли, сляпали? Ну, я им сейчас покажу!

Хроники ковидного заточения: врачам больше не подливать!

День первый: приехала к нам вчера бригада после того, как тест на ковид у мужа оказался положительным. Двое из поликлиники, дежурные врач и

медсестра, без защитных костюмов, маски обычные. Не респираторы. Сказали, что всякого уже навидались и не боятся заразиться. Наверняка переболели. Стали заполнять форму. И на меня с дочкой. Две недели строгача обеим. На вопрос «что мы будем, есть?» мне ответили: «А все не готовы».

Я, честно говоря, думала, что супруга хотя бы осмотрят. Ну там, послушают легкие, заглянут в горло. Предложат, к примеру, госпитализацию или КТ. Лекарства какие-нибудь дадут особенные. От ковида. Да хоть давление померьте! Ничего такого не было. Врача и медсестру занимало исключительно заполнение бланков и передача данных в дальнейшую работу. На меня вообще не смотрели. Ах, да! Тест же взяли! И поставили на учет.

Власть наша отчиталась на своем сайте, что все работает как часы у нас. Лекарства бесплатные, в том числе и новые. И где они? Даже не сказали, как называются эти лекарства, где их взять-то. Притом что муж и в самом деле не важно себя чувствует. Оставили одну-единственную бумажку. О согласии на амбулаторное лечение и самоизоляцию. Это документ, между прочим! А не плод моей больной фантазии. Внизу написано: «Подлить» (такая вот выразительная опечаточка) – и подпись: врачу такому-то. Где это сляпано? Наспех, что ли?

Из лекарств оставили еще две пачки антибиотиков, если пить по две таблетки в день, то на две недели не хватит. О том, будут ли еще лекарства, нам ничего не сказали. Нам вообще толком НИЧЕГО не сказали. А что с больничным, к примеру? Ничего пока не привезли. А говорят, на дом. Это праздники или система такая? Вот, сижу гадаю.

«Вам придет эсэмэска, там все будет сказано». Как будто я ковидом болею каждый день и только об этом и думаю! Пришлось лезть в Инет и читать отзывы бывалых. Реально: я хочу понять, что меня ждет в ближайшие две недели? Кроме ежедневной стирки постельного белья и трехразовой отгрузки селфи в «Социальный мониторинг».

В шесть вечера мужу позвонили из Департамента здравоохранения, поинтересовались самочувствием. «Вот видишь, – говорю, – помнят о тебе. Хотя лучше бы деньгами». Про меня пока молчок. Я сопутствующее лицо. Чья судьба мало кого волнует.

Пришла эсэмэска, что результаты исследования появятся в моей и мужа электронной карте на портале mos.ru. Который зачастую работает через пень-колоду. Нет, об успехах в борьбе с вирусом он отчитывается регулярно. Где электронные медицинские карты, аллё? Через три дня, говорите? Ладно, проверим.

Утром в девять опять позвонили из Департамента с вопросом о самочувствии. Это уже не смешно. Звонят только чиновники! Собирают информацию. А когда хоть один врач позвонит?

Мест нет в стационаре? Но лекарства-то есть, их хватает! Мы их пока не получили, я имею в виду лекарства именно от коронавируса. Что ж, будем ждать.

Я себя чувствую нормально, температуры нет, пульс и давление в норме. Обоняние и слух тоже. Хотя я вот уже неделю в одной квартире с ковидником и утешаю его как могу, в том числе и лаской.

В следующих статьях я расскажу вам о роковой ошибке, сделанной во время звонка на горячую линию. Вот же дура! Где были мои мозги!

О второй роковой ошибке, из-за которой я теперь сижу под домашним арестом, тоже расскажу.

Ну и увлекательный триллер «Социальный мониторинг» в лицах. Не пропустите! Как мы загружаем селфи и живем в обнимку с Большим братом».

– Я не буду тебе лайкать, – сердито сказал муж.

– А в чем конкретно я не права?

– Ты упертая. Просто сиди дома!

– Да никогда!

* * *

По вечерам один из них идет выгуливать собаку. Я уже давно слежу за своими соседями. Пытаюсь понять: как же мне избавиться либо от них, либо от собаки, либо разом ото всех? Газ, что ли открыть, проникнув к ним в квартиру в их отсутствие? Бывают же такие моменты, когда они идут гулять в наш парк втроем, а я уже дошел до точки кипения. Но, увы! В нашем доме электрические плиты. Так что фокус с газом не проходит. А что тогда?

Думай.

Итак, мои соседи. Он и она. Он худой, высокий, сутулый, близорукий и замкнутый. Сразу видно, что работает где-нибудь в офисе и, как раб галерный, прикован к своему монитору. Зарабатывает хорошо, но все деньги отдает ей. Она – типичная женушка. Из тех, присосавшихся. Роста маленького, в отличие от него живая, разговорчивая и глазастая. Не то чтобы смазливая, но, как говорится с изюминкой. Что-то в ней есть. Сексапила – залейся. Ее хочется, вот в чем все дело. И ему ее хочется. И мне тоже, хоть и стыдно в этом признаться. Мало того, что она чужая жена, она еще и мой смертельный враг, потому что не возражает против этой чертовой собаки. Денег такой манкой дамочке надо много. Вот мужик и берет сверхурочные, сжигает себя на работе, чтобы купить ей новую шубку или отвезти летом в Сочи. Я уверен, что она не первый раз замужем.

…Молодая пара, муж и жена. Точнее, уже немолодая, обоим хорошо за тридцать, но сошлись недавно. Скорее всего, не расписаны, но сейчас это и не принято. Все подолгу живут в гражданском браке. Поздний брак-то, у него уж точно, детей пока нет. Зато собака есть. Люди сейчас обзаводятся сначала домашним питомцем, а потом уже детьми. Они больше года вместе, эти двое, сошлись еще до всей этой ковидной эпопеи. Звукоизоляция в наших панельных многоэтажках никакая, и распорядок дня своих соседей я давно уже выучил наизусть.

Оба работают и приходят домой примерно в одно и то же время. А дальше один остается готовить ужин, а другой идет выгуливать пса, который за день, понято, истомился. Крайне редко они идут гулять с собакой вместе. То есть поначалу, когда они только сошлись, так и было: они все делали вместе. Но, судя по тому, что чаще всего с собакой теперь гуляет она, их отношения разладились.

У нее явно кто-то появился. Я же говорю: сексапила у бабенки залейся. Уж не в парке ли они встречаются? И где она, интересно, подцепила этого кого-то? На

работе? В Сети, на одном из сайтов знакомств? Ради интереса я тоже иду гулять в парк. Не то чтобы я за ней слежу, меня главным образом интересует собака. Любопытен ли пес? Насколько он привязан к своим хозяевам? Особенно к хозяйке. А вдруг его достаточно поманить, и он пойдет за тобой куда угодно. И там, в лесу…

Да, искушение. Но странно ведет себя женщина, а не пес. С ним-то как раз все в порядке. Хотя я заметил, что он больше привязан к нему, чем к ней. Ее он вообще не признает за хозяйку, я вижу, как он в последнее время недоволен. Собаки ведь все чувствуют.

И этот пес чувствует измену. Если бы только он мог говорить! Он и так всем своим видом показывает: хозяин, очнись! Эта женщина больше тебя не любит! У нее появился другой. Но рогатый муж, как в анекдоте, узнает обо всем последним.

Почему я решил, что у соседей назревает развод? Она больше не хочет готовить мужу ужин. Даже разогревать. Видно, как она стремится проводить дома, со своим мужчиной как можно меньше времени, чтобы не раздражаться. Она боится сорваться, это видно по ее лицу, когда я застаю ее у лифта, с собакой. Если бы я так не ненавидел этих обеих человеческих особей, а в особенности их пса, я бы вмешался. Зашел бы с бутылкой коньяка, по-соседски к мужику, пока его баба гуляет с собакой, и сказал:

– Мужик, у тебя выросли рога. Она тебя скоро бросит. И тебе повезет, если не случится чего-то похуже. Как это было со мной.

В этот момент я говорю себе: стоп! Тебе-то какое дело? То есть дело есть, но не до них, а до их собаки.

Черт! Она опять воет! Я смотрю на часы: немного осталось. Скоро они придут. Он займется ужином, она пойдет выгуливать пса. И вой за стенкой на время прекратится.

Но я-то хочу, чтобы он прекратился навсегда!

Большой Брат следит за нами

– Ты куда?!

– Мусор вынесу.

– А штраф?

– А меня еще не подключили!

– Это они так сказали. Но я бы тебе не советовал.

– Отстань! Слышал, что доктор сказал? Про казаков-разбойников? Глянь, что я нашла!

Она с гордостью показала мужу винного цвета кепи с огромным козырьком. Головной убор давно вышел из моды, и Людмила его списала из повседневного гардероба. Выбросить было жалко, вещь дорогая, поэтому засунула кепи поглубже в шкаф, до лучших времен. Оказалось, до худших. Которые и наступили.

– Плохая это мысль, – мрачно сказал Сергей. – Мусор Петька может забрать, когда привезет нам продукты. Я пока завяжу мешок и выставлю его на лестничную клетку, чтобы не вонял.

– А я гулять хочу! Я задыхаюсь в четырех стенах, понял? У меня работа такая: я блогер. Все общение в Сети, и мне просто необходим глоток свежего воздуха!

– Хорошо, иди, – муж посмотрел на нее грустными глазами.

Она надела длинную шубу, с капюшоном, потом примерила кепи. Тень от козырька упала на лицо. Глаз видно не было. Совсем. Людмила добавила к этой маскировке черную тканевую маску и, бросив взгляд в зеркало, довольная донельзя, обернулась к мужу:

– Ну? Какая программа меня распознает, айтишник ты мой продвинутый?

– Что ж, рискни.

– Никакого риска, – заверила она. – Я только мусор выкину.

Сергей словно знал, что мусором дело не ограничится. Она и в самом деле дошла до контейнеров и кинула в один из них набитый доверху мешок. Постояла, поморщилась. Ну что за прогулка у мусорных баков? И шагнула на дорожку, ведущую в парк. Морозный воздух был свеж и упруг, как накрахмаленная скатерть, на которой уличные фонари сияли, словно хрустальные бокалы, и такой сладкий на вкус, аж голова закружилась. Эти несколько дней взаперти дались Людмиле с трудом. И вот она, свобода!

Как-то незаметно она очутилась в парке, и пошла по аллее, стараясь не попадать под яркий свет фонарей. В первый раз Людмила вела себя крайне осторожно и, помня слова мужа, побаивалась. Навстречу ей попадались люди, в основном парочки, но были такие же одиночки, тоже в масках и в капюшонах. Один парень в бейсболке, несмотря на мороз. И тоже с козырьком, бросающим на половину лица непроницаемую тень.

Апельсинчик мысленно ликовала. Все оказалось так просто! Казаки-разбойники! Здравствуй, детство золотое! Потом она вспомнила, что мобильник оставила дома, от греха подальше. Чтобы не запеленговали. И муж наверняка уже волнуется. Еще искать ее побежит, с температурой!

Сергей и в самом деле стоял в дверях. Когда Людмила вышла из лифта, муж даже сделал непроизвольно шаг вперед, ей навстречу.

– Ты с ума сошел?! – закричала Людмила. – А ну назад! Живо! Здесь сквозняк!

– Это ты с ума сошла! Где прикажешь тебя искать?! Я только мусор вынесу! Тебя почти час не было!

– Не ори! Соседи услышат!

– Боишься, что стукнут?! Ковид ведь по округе разносишь!

– Замолчи!

Она, как боевой петух, налетела на мужа, заталкивая его обратно в квартиру. Несмотря на то что Сергей был отходчив, они еще не скоро помирились. Только когда Людмила напоила мужа горячим куриным бульоном и сообщила, что температура к ночи не подскочила, как обычно, а держится в районе 37,5–37,8, муж оттаял.

– Я за тебя волнуюсь, – сказал он.

– Там знаешь сколько таких, как я, в нашем парке? – рассмеялась она.

– Не понял? – удивленно посмотрел на нее Сергей.

– Я раньше удивлялась: почему люди гуляют в парке в масках? Врачи ведь говорят, что на морозе это даже вредно. Только сегодня до меня дошло. Они, эти гуляющие, тоже на социальном мониторинге! Тебе когда пришел последний запрос на селфи?

– В девятнадцать тридцать пять.

– Ну вот! Видимо, в это время стандартная рассылка. Они отметились, селфи загрузили, подтверждение получили – и айда в парк.

– Это все твои фантазии.

– Это правда, милый.

– Завтра утром привезут прибор. И тебя подключат.

– Я уже все придумала. Буду гулять каждый день после того, как загружу последнее селфи.

Муж тяжело вздохнул: неисправима!

«Прибор слежения» оказался обычным дешевеньким смартфоном «Нокиа». Абсолютно чистым, без программного обеспечения, но к смартфону прилагалась подробная инструкция. Надо было самостоятельно загрузить приложение. Это

оказалось не так-то просто.

– Серый, помоги, – попросила она.

– Дурака не валяй. Загрузи на свой. Все равно ты больше ничего не выиграешь.

– Но я уже сказала, что буду делать селфи на их прибор!

– Все элементарно. Не важно, с какого гаджета ты отправишь селфи. Важно, на какой номер придет эсэмэска. А придет она на твой. Потому что ты его указала в согласии на мониторинг.

– А что с этим делать? – кивнула она на государственный телефон.

– Карантин кончится – заполнишь расписку и вернешь. Пусть лежит.

– Хоть статью напишу. Глянь, как тема зашла! Подписчиков прибавилось, денег тоже. Ну и развлечение.

– Чем бы дитя ни тешилось, – кисло улыбнулся муж.

Она открыла планшет, зашла в свой блог и отбила:

Хроники ковидного заточения: привезли прибор слежения за нами

День второй: Это почти триллер. Когда я звонила на горячую линию «Ковид», то допустила ошибку. Забыла о том, что у меня старый кнопочный телефон. И вот во что это вылилось. Номер вошел в базу, именно на него приходят все сообщения от чиновников. Это чума просто! Приехавшая бригада ничего нам толком не объяснила. Кроме того, что придет эсэмэска, в которой все сказано. И только когда они ушли, я стала мониторить Инет и выяснила, что приложение «Социальный мониторинг» можно установить только на смартфон с операционкой «Андроид».

Мы попытались переставить симку в другой гаджет, благо у нас их полно. Но она оказалась действительно старая: не лезет. Тогда я стала звонить в поддержку, чтобы номер, на который будут приходить требования прислать селфи от «Социального мониторинга», изменили. Или в базу внесли второй номер. Который зарегистрирован тоже на меня. Благо приложение еще не установлено. Оказалось, что это невозможно!

Учтите это, если у вас телефон кнопочный! Не смартфон!

Как сказано в одном из моих любимых фильмов «Дежавю!»: котлета с картошкой, тефтель с рисом! Менять нельзя!

Какой номер вы назвали при сдаче теста, с тем и будете проходить этот квест. Сначала я позвонила на горячую линию «Ковид». Мне дали телефон службы технической поддержки «Социального мониторинга». Где сказали: изменить ничего нельзя! Это может сделать только врач, которого надо опять вызывать на дом. Сейчас, в праздники! И то я думаю, что даже врач этот номер, который в базе, изменить не может.

Но обратите внимание на пункт! «Социальный мониторинг» обязан обеспечить техническую поддержку, если на ваш гаджет невозможно установить приложение! Надо сделать заявку. Пока заявка в работе, штрафы вам приходить не будут. Я и сделала заявку на государственный прибор слежения за нами. Ее зарегистрировали и аж два дня меня не трогали!

Прибор привезли только сегодня. Смартфон «Нокиа».

Люди бывалые говорят, что это очень даже выгодно. Если вы не хотите устанавливать приложение «Социальный мониторинг» на свой телефон, требуйте прибор от государства! Вам его обязаны предоставить. Причем, никто проверять не будет, действительно ли на ваш гаджет нельзя установить следящее приложение.

Мне подарили два дня свободы. Так что не знаю, глупость я сделала или напротив. Приехал курьер, сфотографировал меня с гаджетом и удалился.

Но дальше не все так просто. Приложение надо установить самому! И тут выяснилось, что на привезенный нам государственный «Нокиа» «Социальный

мониторинг» не устанавливается! Техническая поддержка после третьего звонка стала меня динамить.

Пришлось установить «Социальный мониторинг» на смартфон «Хуавей», благо гаджетов в доме хватает, как я уже писала.

Вывод. Если у вас кнопочный телефон, вам придется купить смартфон, чтобы не получать штрафы. Государственный телефон может оказаться непригодным для установки приложения.

Телефонный номер к конкретному гаджету не привязан, это логично. На любой можете установить «Социальный мониторинг», главное, вбить телефонный номер, который указан в подписанном вами согласии на сбор данных и самоизоляцию. Это я на всякий случай, ковидом ведь болеют не только продвинутые пользователи. Болеют бабушки с дедушками, у которых нет аккаунта в Гугле. Придется завести.

Один квест мы прошли. Мне, кстати, эсэмэска еще не пришла, так что я пока свободна и счастлива.

Продолжение следует: все чудесатее и чудесатее. Пришел мой тест на ковид! Вот вы удивитесь! Можете делать ставки.

Читайте «Хроники ковидного заточения»!

P. S. Поскольку делать мне особо нечего, раз я на самоизоляции, то я каждый день пишу в Дзен. Спасибо всем комментаторам! Вы нас с мужем очень отвлекаете и развлекаете! Нам реально скучно: мы на острове!!!

– Зачем ты врешь? – сердито спросил Сергей.

– Ты еще от меня не отписался? – ехидно спросила она.

– Я сказал, что лайкать не буду. Но следить за тем, что ты пишешь, буду! Потому что ты, мать, завралась.

– А что я должна была написать? Как государство обманула?

– А если у тебя ковид?

– Да нет никакого ковида! И у меня его нет! Отвяжись!

– Смотри. Тебя предупредили.

– Тихо! Блямкнуло, что ли?

– Ага. С почином вас, Глеб Егорыч! Иди, фоткайся.

Она торопливо открыла приложение. Так и есть! Запрос на селфи! Лицо должно быть строго в овале. В первый раз Людмила, несмотря ни на что, заметно волновалась. Фотографию долго проверяли.

– Да дома, я дома, уроды! – не выдержав, заорала она.

Наконец на дисплее появилось: «Фотография прошла проверку». Но тут же пришла эсэмэска: проверка геолокации.

– Уж не Лешка ли Градов им программульку писал? – сердито сказала она, пройдя все кордоны. – Вот гад! А мне помочь оказался!

…На следующий день она едва дождалась третьего запроса. Тянули долго, и эсэмэска от мониторинга пришла лишь в начале девятого.

– Уф! Отвязалась! – сказала Людмила радостно, увидев, что в очередной раз прошла проверку. – Пойду прогуляюсь.

– А не поздно? – с сомнением спросил муж.

– Время детское. Я на родник схожу. У нас вода заканчивается.

– Давай закажем в маркете.

– Родниковая вкуснее. Да и прогуляться надо. Ты приготовь мне сумку.

Муж, уставший спорить, молча загрузил в сумку на колесиках две пустые пятилитровые канистры. Парк у них рядом с домом был уникальный. Хотя бы тем, что в нем бил уникальный родник. Редкость для столицы. Воду в роднике регулярно проверяла санэпидемстанция, потому что туда было настоящее паломничество, особенно по выходным. За водой шли в основном пенсионеры, считая ее целебной. Родник был с историей, тоже уникальной, и когда-то давно освящен самим париархом.

Но и молодежь не отставала. В праздники и по субботам с воскресеньями вся стоянка у парка была забита машинами, а на роднике огромная очередь к каждой из труб, по которым лилась из горы кристально чистая вода. Поэтому жители ближайших домов предпочитали ходить на родник в будни.

«Совмещу приятное с полезным», – радостно думала Людмила, надевая кепи с козырьком и маску. Сумка была старая, но надежная, от известного бренда, и Людмила все никак не могла с ней расстаться. Ну не рвалась надоевшая до чертиков сумка, и все тут! Поэтому так и стояла в кладовке. И опять пригодилась старая вещь, казалось, давно уже вышедшая из употребления! Потому что на родник они с Сергеем обычно ходили вместе. Мужская сила для такого дела надежнее, а Людмилин муж был атлетом: высокий брутальный красавец-брюнет.

Но пришло и ее время позаботиться о заболевшем ковидом мужчине. Переполненная гордостью, она швырнула в мусорный контейнер пакет, на этот раз маленький, и без колебаний шагнула на дорожку, ведущую в парк.

Ей даже показалось, что сегодня еще лучше, чем вчера. Народу в парке уже не было, лишь редкие прохожие. Мороз усилился, но зато ветер стих. Совсем. Людмила шла, никуда не спеша. Ей хотелось растянуть удовольствие. Раз уж она, как вампир, может выходить из дома лишь с наступлением ночи, надо насладиться каждым мгновением свободы.

«Погуляю подольше, – решила она. – Сережа знает, что я пошла на родник, и не будет так волноваться».

Она присела на одну из скамеек, поставив рядом сумку, и глубоко вдохнула хрусткий аппетитный морозный воздух. Наслаждалась каждым его глотком, словно ела обожаемый с детства пломбир. Все не так уж и плохо. Ко всему можно приспобиться. Мимо быстро прошел высокий широкоплечий парень в бейсболке. «Собрат по несчастью, – с улыбкой подумала Людмила. – Тоже небось на мониторинге».

Внезапно парень обернулся и застыл. Словно увидел что-то, его поразившее. Людмиле стало не по себе. На дорожке больше никого не было. Парк совсем опустел после девяти вечера. Людмила торопливо встала и потянула за ручку сумки, катя ее за собой. Парень резко развернулся и пошел обратно.

«Странный какой-то», – подумала она и сначала ускорила шаги. Но он был высокого роста и шагал заметно шире. К тому же тоже ускорился. Людмила спиной почувствовала, как мужчина в бейсболке приближается. «Да у меня, похоже, крыша поехала на этой самоизоляции, – подумала она с досадой. – Откуда тут маньяки, почти в центре Москвы? Он просто вспомнил, что забыл дома нужную вещь. Или позвонили».

Хотя звонка она не слышала. Апельсинчик не была робкой или зашуганной. Напротив. Мужчинами она всю жизнь вертела как хотела и никогда их не боялась. Ее обаяние было ее главным оружием. Поэтому она замедлила шаги, решив пропустить «бейсболку» вперед, да еще и пошутить:

– Не от меня ли убегаете, мужчина?

И почти тут же он ее и догнал. Людмила обернулась и увидела лицо, которое показалось ей пустым. Ни глаз, ни рта. Тень от огромного козырька и черная маска. Сам парень тоже был весь в черном. Людмила открыла было рот, чтобы выдать заранее заготовленную шутку, но парень внезапно схватил ее за шею огромной ручищей и потянул в темноту. От неожиданности Людмила выпустила из рук сумку и, хрипя, шагнула за ним. Туда, где грозно темнели елки, чьи стволы внизу были завалены сугробами. Вот в этот сугроб парень ее и тащил.

– Помогите! – отчаянно заорала она.

Ей так показалось: заорала. На самом деле она издала еле внятный писк, и тут же другая рука зажала ей рот. Она почувствовала горько-кислый привкус кожи:

рука была в перчатке.

Маньяк повалил Людмилу в снег и рванул полы шубы так, что посыпались пуговицы. Потом навалился на нее всем телом так, что она почти перестала дышать. Мужчина был высок ростом и казался огромным. Вот тут Людмила поняла, что сейчас ее будут насиловать и убивать. Она забарахталась, словно тонула, да так оно и было. Она стремительно уходила в темноту, в ту ледяную черную глубину, из которой уже не выплыть. На нее из-под козырька бейсболки пустыми глазницами смотрела смерть. Людмиле вдруг захотелось увидеть ее лицо и она, высвободив одну из рук, отчаянно рванула маску с маньяка. И тут же в глазах стало темно: его стальные пальцы сдавили горло.

Она умирала. Значит, он будет насиловать либо ее остывающее тело, либо ударит, лишив возможности сопротивляться, но не сразу убьет. И это еще страшнее, потому что она все будет чувствовать.

Она не хотела умирать так. Из-за собственной глупости, раздираемая болью и в страшных мучениях. Она сама когда-то готовила эти передачи, будучи телеведущей. Журналистика вещь жестокая, да и зрителям нужно погорячее. Перед глазами замелькали яркие картинки, кадры из криминального видео, фото растерзанных жертв…

– А-а-а!!! – беззвучно закричала она, потому что шею сдавливали сильные безжалостные пальцы.

Она была сильной женщиной, поэтому рванулась снова и замолотила руками, ничего уже не видя и почти не чувствуя.

И вдруг его руки разжались.

– Алекс, назад! Фу, Алекс! – раздался в парке мужской бас.

К ним неслась какая-то тень.

«Собака, – мелькнула мысль в Людмилином угасающем сознании. – Это большая собака».

Это и в самом деле был дог. Большой, но хорошо воспитанный. Он гавкнул пару раз, но не кинулся к ним, а, напротив, свернул к заснеженным кустам и поднял заднюю лапу. Пометить территорию.

– Алекс! – вновь раздался в звенящей тишине низкий мужской голос.

Маньяк скатился с Людмилы и торопливо встал. Дог тоже стоял теперь на почтительном расстоянии. Словно сквозь вату, которой в три слоя была обернута голова, Людмила услышала, как пес еще раз тявкнул, но не грозно, а дружелюбно. Маньяк испугался скорее не собаки, а ее хозяина. Потому что торопливо стал выбираться из сугробов обратно на расчищенную парковую дорожку, оставив свою жертву в снегу под елками.

Людмила открыла глаза и увидела, как один мужчина удаляется, а другой приближается к ней. Она уже не знала, чего ждать и кого бояться, поэтому замерла.

– Алекс, ну что ты за пес, – обладатель внушительного баса оказался тщедушным мужичком, метр с кепкой. Чуть выше самой Людмилы, это она поняла даже лежа.

Какой-то дрищ, но зато с догом! Собака отвагой не блещет, так же небось, как и ее хозяин, но жизнь Людмиле спасла.

– Давай-ка выбираться отсюда, – ласково сказал хозяин догу и поманил его на освещенную дорожку.

Людмила зашевелилась, поняв, что надо бы привлечь их внимание, а не оставаться здесь, в темноте одной. Но пока она очухивалась, мужчина с собакой уже ушли.

«Что делать? – подумала она в ужасе. – Я боюсь! Вдруг он вернется? Увидит, что свидетели ушли, и снова примется за меня!»

Она в панике зашарила по карманам в поисках мобильного телефона. Надо звонить мужу! Сергей болен, у него температура, но не умирать же! Да еще так страшно! Она не сразу вспомнила, что телефон остался дома, а когда до

Людмилы это наконец дошло, стало еще страшнее.

Вместо того чтобы выйти на расчищенную парковую дорожку, Людмила, проваливаясь по колено, а то и по пояс в снегу, стала пробираться к забору. Там было шоссе, по которому проносились редкие машины. Эта часть парка тонула в темноте, но зато здесь можно было затаиться в случае опасности. Людмила время от времени замирала и прислушивалась. Не гонятся ли за ней? И жадно смотрела на огни многоэтажек там, за забором, где было светло и были люди! Она кое-как добралась до железной решетки, боясь обернуться. И буквально поползла вдоль нее, отыскивая калитку.

Ледяные прутья насквозь промороженной решетки обжигали пальцы даже сквозь теплые перчатки. Людмила то и дело повисала на заборе, отчаянно цепляясь за эти стальные прутья и стараясь не потерять сознание. Скуля от бессилия, она какое-то время висела в ледяной темноте, а потом, собравшись с силами, ползла дальше. Понимая: если она отключится хоть на минуту, то замерзнет здесь, в парке, почти в самом центре Москвы. Потому что мороз градусов двадцать, а шуба расстегнута: пуговицы оторваны, пояс потерялся во время борьбы. В ботинки набился снег. Руки дрожали, в горле першило. Она держалась из последних сил. Кричать боялась, потому что маньяк мог идти по ее следу. Крикнуть – значит обнаружить себя.

Наконец она увидела спасительную калитку и сделала последний, отчаянный рывок. Икры обеих ног свело судорогой. Держась за калитку, Людмила опустилась на колени, на расчищенную, твердую как камень дорожку и зарыдала уже от счастья. Мимо проехала машина. Не остановилась, но все равно: здесь было движение, а не пустота, как в парке. Он сюда не пойдет.

Она какое-то время стояла на четвереньках, словно собака, и жадно дышала. Просто дышала. Потом медленно поднялась. Ноги дрожали, но идти она могла.

Людмила не помнила, как добрела до дома. Сергей опять стоял в дверях с искаженным от страха лицом. Она поняла, что борьба за жизнь длилась не только мучительно, но и долго. На этот раз Людмила не стала останавливать мужа, когда он шагнул навстречу. Повисла на нем как плеть, без конца повторяя:

– Сережа, Сережа, Сережа… Мне страшно…

Он, молча и крайне осторожно завел ее в квартиру. Тут же прибежала дочь:

– Мама, где ты была?! Что случилось?!

– Уведи ее, – хрипло попросила она. – Ей не надо…

Перепуганную Любашу отец, утешая, увел в ее комнату.

– Все нормально: мама дома. Живая. Сейчас мы во всем разберемся.

– Но что случилось? – не унималась девочка.

– Рассказывай, – велел Сергей, наливая горячего чаю и ставя перед женой ее любимую чашку.

– На меня маньяк напал, – она натужно закашлялась. – Говорить тяжело… Он меня за горло… Душил. – Она молча показала мужу синяки.

Сергей встал, сжимая кулаки. Лицо у него было бледное. И шагнул в прихожую.

– Ты куда? – У нее от страха за мужа даже голос прорезался.

– Найду его и убью.

– Да сядь ты. Он давно уже тю-тю.

– В полицию надо звонить.

– Ты забыл, что я на мониторинге?!

– Я-то помню. А вот куда тебя понесло?!

– Сережа, я не знаю, что делать, – сказала она жалобно. – Это был самый настоящий маньяк. Я сама про таких раньше шоу снимала. В смысле рассказывала на своем ток-шоу.

– Жизнь – это не шоу, да? Страшно было?

– Не то слово. У него глаза пустые. Лица нет.

– Как это нет?

– На нем была черная маска. Я, правда, ее сорвала, когда с ним боролась.

– Ты молодец, – серьезно сказал Сергей. – Что боролась. – Он опять встал: – Я простить себе не могу! Ну, зачем я тебя отпустил?! Всю жизнь потакаю твоим капризам! А не надо было! Выпороть бы тебя, да тебе и так досталось. Дурочка ты моя. Нам надо выспаться. Завтра решим, что делать.

– Ты только Любаше не говори. Про маньяка. Она девочка еще.

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся муж. – Скажем, что на тебя собака напала.

– Собака, Сережа, мне жизнь спасла. Дог по кличке Алекс. Он, в смысле маньяк, испугался и отпустил меня… Ой! Я же сумку потеряла! Наверное, надо пойти ее поискать?

– Не смей! Ты все равно хотела ее выкинуть! Вот и выкинула. А за водой я тебя больше одну не отпущу.

– Да я и сама не пойду, – поежилась Людмила. – Ты прав: черт с ней, с сумкой… И пояс от шубы… Еще пуговицы там остались. С мясом выдрал, гад! – Она наконец заплакала. – Как же я испугалась, Сереженька… Он ведь мог меня рас… членить…

– У него был нож?

– Не знаю, не помню. Помню только руки. Они будто из железа, его пальцы… Может, и нож был… Ой, мамочки!

– Все, все, все… – Сергей прижал ее к себе и погладил по спине. – Урок тебе. Будешь слушаться старших.

– Это я тебя старше… – всхлипнула она.

– А ведешь себя как девочка. Сейчас ты выспишься, а завтра утром мы все обсудим, как нам следует поступить.

* * *

Я не ожидал, что пес кинется ее защищать. Мне казалось, собака все понимает. Она на стороне хозяина, а не его бабы. И вдруг раздался этот лай. Не то чтобы я испугался пса, напротив. У меня появился шанс покончить и с женщиной, и с собакой. Но я вдруг почувствовал, что замерз. Лицо теперь было голое, а на улице мороз. Мне стало одиноко и неуютно. Лежащая подо мной женщина показалась чужой, я не знал, что с ней делать.

Я забыл…

Что вообще делают с женщинами? Им мстят, это я помнил. Но что еще?

Пес стоял и смотрел на меня. Я почувствовал, как оживает память. Когда-то и у меня была собака. И женщина. Моя женщина. Но вот что с ней стало?

Психиатр сказал бы, что моя память намеренно блокирует эти воспоминания. Я упорно их отторгаю, ставлю непроницаемую заслонку, как только прошлое пытается ожить…

…Я помню море, пустынный пляж. Я и она. Мы лежим и смотрим в небо после того, как друг другом насытились. Отдыхаем. Готовимся к новой схватке, будто собаки во время случки, когда хозяева спустили их с поводков и оставили на время одних. На очень короткое время, и потому надо торопиться, использовать все, до минутки, с пользой.

У нас отпуск. Всего-то десять дней, и мы хотим полностью посвятить их себе, потому и уходим с утра на безлюдный пляж, где кроме нас – никого. Я отчаянно голоден до секса, мне ведь пришлось ждать этого отпуска долгих три года. Работы было много, а вот женщины не было. Зато деньги появились, и вот я здесь, свободный и счастливый.

Море, оно живое, у него тысячи глаз, галерея лиц, и столько ушей, что оно улавливает каждый наш вздох и с любопытством смотрит: что дальше? Кажется, оно нас полюбило.

Я специально выбрал этот отель, прочитав, что он один на пляже протяженностью почти пять километров. Оборудованная лежаками и навесами зона осталась далеко позади. Я и море. Я и небо. Я и она.

Так что с ней стало? Я с трудом припоминаю, что она осталась за границей. Утонула? Потому что потом я ее не помню. Что-то связанное с чужой страной, где я оставил ее навсегда. Какая-то трагедия.

А-а-а!!!! Не хочу!!!! Заныл шрам на голове. Кажется, меня били. Так долго и больно, что я потерял сознание. Но кто бил и за что? Невыносимо болит не только голова, но и правый бок. Я помню ногу в тяжелом ботинке, которая саданула в печень. Адская боль, после которой я отключился. Сломано было два ребра, это справа, внизу, там, куда молотил показавшийся мне каменным мужской ботинок. Сотрясение мозга, не считая мелких травм. Сломанные пальцы правой руки, которой я до сих пор не вполне владею. Но главное – это голова.

А-а-а!!! Она опять воет! Ну почему, как только я пытаюсь вспомнить женщину, ее лицо и что с ней стало, мне мешает этот долгий, протяжный вой?! Который заглушает все. Голова становился похожа на колокол, а собачий вой – на его язык, который молотит по черепу изнутри. А кто звонарь? Ее хозяин, до которого я когда-нибудь доберусь.

Я должен вернуться в парк. Взять себя в руки. Мне надо туда вернуться. Иначе я и в самом деле сойду с ума…

Пришел мой тест: вот сейчас вы удивитесь!

Завтракали они молча. Наконец муж ласково спросил:

– Как ты?

– Не очень. Горло болит. Но не думаю, что это ковид. Маньяк мне что-то пережал своими железными пальцами, до сих пор хриплю. Шок прошел, но в парк я еще долго гулять не пойду. И одна не пойду уж точно… Господи, Любаша! Она же там гуляет! Слава богу, не одна, а с подругами… Но она одна возвращается с английского! Ее преподавательница живет у парка, с другой его стороны. Уроки заканчиваются поздно.

– Сейчас удаленка, ты забыла? – внимательно посмотрел на нее Сергей.

– Но когда-то это ведь закончится! Любаша – девочка ответственная, она хочет ходить на очные занятия, к своему преподавателю. Не далее как вчера собиралась. Как же хорошо, что нас посадили на социальный мониторинг! Представляешь, если бы на моем месте была наша дочь?!

– Не кричи так, она услышит.

– Мамочки, какой кошмар! Как вспомню его глаза!

– Что ты решила? Позвонишь в полицию?

– И что я им скажу? Нарушила режим самоизоляции? А вдруг у меня и в самом деле ковид? На меня же дело заведут! Нет, я никуда звонить не буду.

– Уверена?

– Да! Никуда я из дома не выходила. Отослала селфи и легла баиньки.

– Может, хотя бы Градовым позвонишь? – требовательно посмотрел на нее Сергей.

– И что я им скажу? Что дура?

– Люда, такими вещами не шутят.

– Сережа, я измучилась и устала. Полночи не спала.

– А под утро кричала.

– Вот видишь! Я хочу поскорее обо всем забыть. Петьке ни слова, понял?

– Ему сестра скажет.

– И что она скажет? На маму собака напала? Я обещаю, что буду отныне сидеть тихо, как мышка. Продукты закажем в маркете, или Петька привезет. Мусор тоже он заберет. Потом за дверь мешок выставим, как ты и предлагал. Сколько нам осталось чалиться? Десять дней? Продержимся. Надеюсь, его поймают.

– И как ты об этом узнаешь? Заявление надо написать. Что тебя пытались изнасиловать и убить.

– Может, не я первая? Кто-нибудь уже написал. По виду он точно маньяк.

– Люда, ты соображаешь, что говоришь?! Как написал-то, если этот маньяк завершил начатое? Кто написал? Труп? Ты, быть может, единственная свидетельница. Ты ведь его видела.

– Ничего я не видела! Темно было! И в глазах у меня темно! Ты хочешь, чтобы мне штраф впаяли? А не то – срок. И куда я с судимостью, даже условной? Я еще не теряю надежды вернуться на телевидение.

– Ладно, как скажешь, – было видно, что муж с ней не согласен.

Она пожала плечами: подумаешь! И уткнулась в планшет. Зашла в свой блог на Дзене и посмотрела статистику. А Хроники-то зашли! И как зашли. Читает народ. Правда, комментарии больше гнусные: вот вы лохи. Зачем звонили на горячую линию? А согласие на самоизоляцию зачем подписали? Людмила сначала огрызалась, что, мол, сделала это ради любимого мужа. Раздобыла ему антибиотики. Но народ все равно злобствовал, публика на Дзене была на редкость токсичная.

Хорошо, что шкура у Апельсинчика была толстая. Поднаторела она в остросоциальной журналистике. Собака лает – караван идет. Чем больше собак и громче лай, тем оглушительней и успех. Вон как подписчиков прибавилось!

«Надо выжать максимум из этой ситуации», – подумала она. И тут в телефоне блямкнуло.

– Серый! – радостно закричала она. – Хоть одна хорошая новость! Нет у меня ковида! Тест отрицательный!

Радостный муж тут же пришел к ней на кухню:

– Поздравляю.

– Значит, и у тебя не ковид. Я бы заразилась… Любка! Тебе тест пришел?! Любаша! Блин, опять она в наушниках! Небось и не слышала, как эсэмэска блямкнула!

Зайдя в комнату к дочери, Людмила увидела, как та увлеченно наклеивает ну нереально огромные ресницы. На миловидном, совсем еще детском личике лежал толстый слой тонального крема, одета Любаша была в отцовский свитер пятидесятого размера, который был ей почти до щиколоток. Оверсайз. Писк подростковой моды.

– Ты что это делаешь?! – ахнула Людмила. – Опять для ТикТока своего размалевалась?! На клоуна похожа! И опять в мою косметичку залезла?! А ресницы эти где взяла? Господи, а ногтищи! Глаза ими выколоть можно! Мода, что ли такая? А?

– Ма, не мешай! Я тебе не мешаю в твой блог писать? Хотя пишешь ты полную лажу.

– Что-о?!

– Лол! Отстой! Как тебе еще объяснить?

– А твой ТикТок – это не отстой?!

– Там сейчас все сидят. Вон, глянь, старая толстая тетка выложила ролик, как радуется концу карантина. Полмиллиона просмотров! Снимай видео для ТикТока, у тебя точно получится.

– Дай посмотреть, – не удержалась она.

«Старая?!» – была первая мысль. «Тетка» была моложе Людмилы лет на десять, и танцевала, на ее взгляд, отвратно. Но и в самом деле: полмиллиона просмотров! Тысячи лайков и куча репостов! Вот зашло так зашло!

– Это и я так могу, – ревниво сказала Апельсинчик. И вдруг вспомнила, зачем пришла: – Тебе эсэмэска приходила? Насчет теста?

– Ма, я не смотрела.

– А вдруг у тебя ковид? Дай сюда телефон!

– Не дам. – Дочь проворно схватила свой смартфон. – Так… А, вот она. На, читай! Нет у меня никакого ковида!

Телефон матери в руки не дали. Людмила еще больше забеспокоилась. Любка не одна торчит в этом ТикТоке, у них там целая банда. Малюются, как клоуны, кривляются под музыку, потом монтируют ролики. «И получают полмиллиона просмотров за два дня», – кисло подумала она. «А может, так и надо? Отстала ты от жизни, мать».

– А уроки ты когда делать будешь? – включила она родителя.

– Ну, начинается! Меня уже отец спрашивал. Ты-то не будь занудой.

Людмила всегда гордилась доверительными отношениями с дочерью. Тиран и деспот у них папа. Как же умело подросток ими манипулирует! Ей ведь и пятнадцати еще нет! А папу с мамой ловко разводит, чтобы без помех сидеть в этом своем ТикТоке!

– Значит, отец и проверит, – нашлась она.

– Он болеет.

– Но голова у него в любом состоянии соображает. Это ты учти.

Она вздохнула: главное, что у них обеих тест отрицательный. Надо статейку забацать. Дочка ТикТоком балуется, мама – Дзеном. Жизнь теперь такая: все поголовно блогеры. А кто не блогер, того, считай, не существует. Людмила еще раз тихонько вздохнула и аккуратно прикрыла дверь в комнату дочери. Как же хорошо, что у них большая квартира, деньги они с мужем в свое время вложили правильно, когда их было много. Главное, кухня тоже большая. Можно готовить обед и попутно кропать статейку в блоге.

Она поставила вариться бульон для борща, налив в кастрюлю обычной воды, не родниковой, о которой теперь без содрогания думать не могла, потом открыла гаджет и отстучала:

Хроники ковидного заточения: пришел мой тест. Надо же, и так бывает!

День третий: пришел мой тест на ковид. Результат отрицательный! И у дочери тоже. Муж с 24 декабря считается носителем вируса. Положительный тест пришел 5 января, все это время мы плотно контактировали: ели за одним столом, спали вместе, маску я дома не носила. Мы были уверены, что никакой это не ковид. И врач, приехавший первым по вызову, так и сказал: не похоже на ковид, успокойтесь. Тем не менее.

Муж и жена безвылазно живут в одной квартире, которая хоть и большая, но мы ведь постоянно контактируем. И я не больна. Есть три объяснения.

Первое: у мужа не ковид. В пользу этой версии говорит следующее. Первичный осмотр и предварительный диагноз опытного врача. Который небось на ковидников насмотрелся. Перед Новым годом муж ходил по снегу в осенних ботинках, да еще и без шарфа. Замерз сильно. Просто он мне в этом не признался. Думал, что обойдется. Потом еще и перед самыми праздниками по магазинам мотался, выскакивал из машины потный, без шапки и шарфа. Добавил, в общем. Уж больно быстро пришел результат. В два часа дня 4 января муж сдал тест, а утром следующего дня уже пришла эсэмэска: у вас ковид! Торопились.

Второе: у меня к ковиду антитела, поэтому я не заразилась. Вопрос, когда это я успела им переболеть? Температура у меня бывает так редко, что я уж и не

помню, сколько лет назад в последний раз была. Кашля и насморка тоже не помню, равно как и потери обоняния. Значит, я могла переболеть ковидом только бессимптомно. Но сейчас упорно говорят о том, что иммунитет у переболевших ковидом в легкой форме нестойкий. А то и нет его вовсе. Тем не менее у меня он вдруг оказался.

Третье: ковида вообще нет. Вот тут истину установить трудно. Кто-то в него верит, кто-то нет. Но есть версия о том, что все это раздувается искусственно.

Представьте себе на минутку, что мир – это общеобразовательная школа. В ней есть директор, завуч, учителя. И есть медкабинет. В нем сидит медсестра. Раньше ее влияние на дела школы было ничтожно. Ну, с уроков могли отпустить по ее справке. Единожды, на один день. Медсестра не обладает знаниями и опытом руководителя, управленца, организатора. Не умеет управлять финансами и экономикой. Она просто медсестра. И вдруг ей дают абсолютную власть. И над учителями, и над завучами, и даже над директором. Условная медсестра – это ВОЗ. И все вынуждены идти к ней на поклон. Она вправе урегулировать вопрос с открытием границ, со всеобщей вакцинацией и с признанием этой вакцины разными странами. Хочу признаю, а хочу, нет. Как кто меня задобрит. Я главная!

Как вы думаете, откажется она от этой власти и как быстро? Поставьте себя на ее место. У нее ведь не только власть, но и деньги, в ее «медкабинет», который раньше в упор никто не видел, они теперь льются рекой. Вот такая аллегория.

Есть еще версия, что мой тест ошибочен. Но в таком случае почему диагноз, из-за которого людей запирают дома на две недели, ставится на основании одного-единственного мазка?

В следующей статье я продолжу тему. Расскажу, как за нами следит Большой Брат.

Она опубликовала статью и перевела дух. В это время и пришел первый запрос на селфи. «Поздновато они сегодня», – подумала Людмила, но потом вспомнила: праздник же! Рождество! Совсем забыла за всеми этими событиями о том, что сейчас рождественские каникулы! А раньше они всей семьей ждали их с таким нетерпением!

Да, грустное в этом году Рождество. Впрочем, так же, как и Новый год. Зато, раз она здорова, то может себе позволить выпить шампанского…

…В дверь позвонили около полудня. Людмила еле продрала глаза: вчера она явно увлеклась шампанским. Муж ее не остановил, понимал, что стресс снимает. Поскольку Сергей был ковидником, а дочь сидела в наушниках и звонка в дверь не услышала, открывать пошла хозяйка.

– Кого там черти несут? – недовольно проворчала она и посмотрела в глазок.

Женщина лет тридцати, в приспущенной медицинской маске, над которой торчал симпатичный курносый носик, в модной «дутой» куртке и белоснежной шапочке с меховым помпоном из чернобурой лисицы подождав пару секунд, снова требовательно, с силой надавила на кнопку электрического звонка.

– Да иду я, иду! – Людмила рывком открыла дверь. И сразу предупредила: – Мы на изоляции.

Женщина спокойно натянула на нос не больно-то свежую маску и неторопливо сказала:

– Извините. Мы соседей опрашиваем. Вчера вечером в парке произошло зверское убийство…

У Людмилы ноги подогнулись. Перед глазами все поплыло. Она привалилась к дверному косяку и попыталась выровнять дыхание.

– …Я из полиции. Капитан Сергеева. Вот мое удостоверение.

– А я Иванова, – невпопад сказала она, невидящими глазами глядя в «корочки». Во рту был кисло-горький привкус свиной кожи, как в тот момент, когда рукой в перчатке Людмиле зажимали рот. Господи, капитан! Да еще полиции! Кто?! Этот «помпон»?!

– …Значит, вы на самоизоляции?

– Да, все мы. Муж болен ковидом, а я нет. И у дочери тест отрицательный, – зачем-то сказала она. Словно оправдываясь. – Но мы все подписали согласие на социальный мониторинг и теперь сидим дома. Селфи отсылаем.

– И никуда из дома не выходите? – подозрительно посмотрела на нее капитан Сергеева.

Видать, и они были в курсе игры в «казаки-разбойники».

– Нет-нет! Мы законопослушные граждане! Положено дома сидеть – значит, сидим!

– Понимаете, нам важны любые показания. Женщина жила в этом доме. Вчера вечером, около девяти, она, по словам ее мужа, пошла на родник за водой. Решила прогуляться перед сном. Когда через два часа жена не вернулась, супруг начал ей звонить. Но телефон не отвечал. Просто не реагировали на звонок. Муж забеспокоился и сам пошел в парк. Два часа там бродил, пока не замерз. Позвонил в полицию, но вы сами понимаете. Нам же надо запустить процедуру. Времени прошло слишком мало. Поэтому заявление мы приняли, но поиски решили отложить на сутки, – теперь уже капитан Сергеева словно оправдывалась. – Ее нашли сегодня утром, когда рассвело. Точнее, часов в одиннадцать. В сугробе под елками, недалеко от тропинки. Лыжники наткнулись. Убийца ее недалеко уволок, снегу намело – ужас просто. Почти у самой лыжни она и лежала. Так вы точно ничего не знаете?

– Нет, – сказала она поспешно. – А ее… Изнасиловали? Или… быть может, изуродовали…

– А вам зачем? – взгляд капитана Сергеевой сделался цепким. Не так уж она, оказывается, была наивна.

– Дочка у меня. Вы небось сами мать и должны меня понять.

Людмила колебалась. Сказать правду? Кому? Этому помпону? Тоже мне, полиция! Да еще уголовный розыск! Был бы мужик, а то – баба!

– Я ничего не знаю, – решилась наконец она.

– Извините.

Глаза капитана Сергеевой тут же потухли. Людмила увидела, как она направилась к соседней двери. И чуть не закричала:

– Постойте! Они ничего не знают, а вот я…

Но ее взгляд уперся в лисий помпон. Нет, без толку это. Не найдут они маньяка. И Людмила торопливо захлопнула дверь.

– Кто это был? – подозрительно спросил муж.

– Полиция. – Она без сил опустилась на диван.

– Тебя оштрафовали? Под камеру все-таки попала?

– Хуже. В парке труп нашли.

– Надеюсь, это не шутки?

– Куда там! Он все-таки вернулся и доделал начатое.

– И ты ничего не сказала?!

– А что сказать?!

– Люда, ты ценный свидетель!

– И что? Кто его поймает, этого маньяка? Девчонка с помпоном?

– С каким еще помпоном?

– Шапка у нее смешная. Хоть бы в форме ходили свидетелей опрашивать.

– Ты из-за этого промолчала? Из-за помпона?

– Сережа, не трогай меня. И без того тошно. Что мне теперь делать?

– Ее из-за тебя убили. Если бы ты вчера позвонила в полицию…

– Вот именно. А я не позвонила! Кругом теперь виноватая.

– Ты хоть понимаешь, что он может напасть и на нашу дочь? Любаша гуляет в этом парке.

– Не одна!

– А другие? Так и жить на вулкане?

– Хорошо. Но только не в полицию. Я Любе позвоню. У нее муж фээсбэшник. Ему скажу.

– Звони. – Сергей придвинул к ней телефон.

Она все еще колебалась.

– Звони! – Глаза у мужа сверкнули.

Обычно Сергей был сдержан, они потому и сошлись и жили, душа в душу: взрывной темперамент Людмилы гасило неизменное спокойствие мужа, казалось, ее эмоции, похожие на океанские волны, разбиваются об этот утес из глыб терпения и верности даже во время шторма. И вот утес навис над ней, готовый обрушиться. Людмила поспешно схватила со стола мобильный телефон.

Ответили не сразу. «Она же подписана на мой блог!» – сообразила Апельсинчик. Вот вам обратная сторона блогерства: можно всех подруг растерять. И разругаться со всей родней. Непонятно на какое замечание или даже слово люди могут обидеться. А тут веский повод. «Хоть бы она от меня уже отписалась», – мысленно взмолилась Людмила, слушая казавшиеся ей бесконечными длинные гудки.

– Да, слушаю, – раздалось наконец в телефоне. По тону было понятно, что разговаривает Любовь Александровна через силу.

– Люба, это я. Поздравляю вас с Лешей с Рождеством. Желаю вам крепкого здоровья и большого семейного счастья, – завиляла хвостиком она.

– Говори: что случилось? Мне некогда, – холодно сказала бывшая подруга.

– Некогда или ты просто не хочешь со мной разговаривать?

– О чем мне с тобой разговаривать, когда ты в своем блоге пишешь полную чушь?! – всерьез рассердилась Люба. – Тебе что-то надо, иначе ты бы не позвонила. Говори!

– Люба, я знаю, ты добрая. Ну, каюсь. Прости. Это же для хайпа. Мы, блогеры, так устроены, понимаешь? Утюги никому не нужны.

– Кто?!

– Так у нас говорят. Человек, пишущий непреложные истины, которые трудно оспорить, – это утюг…

– Дело говори, – оборвал ее муж.

– Кто там? Сергей? – живо спросила Люба. – Как он?

– Уже лучше. В общем, меня пытались изнасиловать.

– Странно. В твоем блоге ничего об этом нет.

– Потому что я на самоизоляции. Не могу же я сказать полиции, что вчера вечером прогуливалась в парке? Где на меня напал маньяк. Они сегодня приходили. Точнее, женщина молодая приходила, в шапочке с помпоном…

– Еще раз скажешь про помпон, я со всех твоих модных шапочек помпоны оторву, – пригрозил ей Сергей.

– Блин, да что я могу сделать, если он у меня в мозгу застрял!

– Дурь твоя там застряла и пионерский задор. Дай сюда телефон! – Муж буквально выхватил аппарат из ее рук: – Люба, здравствуй.

– Здравствуй, Сережа. С праздником. Она правду говорит или, как всегда, фантазирует?

– Увы. Судя по виду, в котором она позавчера вернулась из парка, моя жена на этот раз нисколько не преувеличивает. К сожалению, не я разговаривал с полицией. Как ты знаешь, я болею.

– Погоди… Она все-таки позвонила в полицию?

– В том-то и дело, что нет. И вчера вечером в нашем парке маньяк опять напал на женщину. На этот раз не обошлось. Ее убили.

– Убили?!

– Дай сюда телефон, – теперь уже Людмила выхватила аппарат из рук мужа. – Любаша, ты не представляешь, какой ужас я пережила! Это самый настоящий маньяк! Наша дочь со своими подругами в этом парке гуляет! Женщины одинокие. Раз он повадился, причем, каждый день… Леша не мог бы помочь?

– А при чем тут мой муж?

– Ну, я же не могу пойти в полицию! Но я готова дать свидетельские показания. Я кому-то расскажу все, что смогу вспомнить. И он пойдет вместо меня в полицию. Это мое условие.

– Ты еще условия будешь ставить?!

– Люба, войди в мое положение, – взмолилась она. – Этого маньяка надо поймать как можно скорее.

– Ты мне предлагаешь пойти в полицию?

– Ты слишком далеко живешь, – с сожалением сказала она. – Позавчера вечером ты никак не могла в одиночку гулять в нашем парке. А жаль.

– Да, жаль, что меня не изнасиловали.

– Может быть, Леша что-нибудь придумает?

– Он в другом ведомстве работает, они к уголовному розыску никакого отношения не имеют.

– Да, задачка.

– И зачем тебя в парк понесло?

– А если бы не понесло, у нас не было бы сейчас важного свидетеля.

– Ты разве видела его лицо? Ты его вообще разглядела, этого маньяка?

– Иногда бывает достаточно даже мелочи. Мы сколько с тобой преступлений раскрыли? Деталька какая-нибудь иной раз помогает. Я видела, что он не старый, высокого роста, черты лица у него… Нормальные, в общем.

– А сам он ненормальный?

– Люба, я деталей, конечно, не помню. Но если мне покажут фото подозреваемых, я уверена, что узнаю его.

– Ты права: ты хоть что-то видела. И слышала. Он говорил что-нибудь, когда тебя… Напал, в общем.

– Н-нет… Не помню. Но я вспомню обязательно!

– И кого бы нам заслать в полицию? – задумчиво спросила Люба.

– Поговори с Лешей. Он там? И вообще: поставьте вы уже мобильник на громкую связь. Что мы, как дети, в испорченный телефон играем?

– Ребенок у нас ты, Иванова, – раздался в кухне сердитый голос Алексея Градова. Люба все-таки включила громкую связь.

– И тебе здрасьте.

– Кончай свои шуточки. Не смешно уже. Маньяк, говоришь?

– Лешка, натуральный маньяк! Маньячище! Маньячила! Глаза как у смерти! Я прямо в них заглянула. По ту сторону тоннеля оказалась…

– Кончай трепаться, – оборвал ее муж. – Про тоннель в блоге своем пиши, а Леше говори дело.

– Да, полиции тяжело придется, – вздохнул на том конце эфира Градов. – В парке, говоришь, никого не было?

– Пусто, как в театре во время локдауна. И в партере, и на галерке – никого.

– И только ты партизанишь. Аппетит нагуливаешь.

– Я за водой ходила!

– На родник, что ли?

Алексей Градов бывал у них в гостях и пару раз прогулялся по парку к знаменитому роднику и даже испил из него воды. Сказал, что вкусная.

– Леша, я раскаиваюсь. Клянусь!

– Разве блогерам можно верить, Иванова? Вы как флюгеры, смотрите в сторону хайпа и лайков. Только напиши мне про маньяка, поняла?

– Да что ж я, не понимаю? Мой блог, конечно, не такой уж и популярный, всего пять тысяч подписчиков, но кто его знает… Вдруг он про себя прочитает, маньяк этот? Что я его могу опознать… А потом можно написать? Когда его задержат?

– Неисправима, – хмыкнул Градов. – Серега, как ты с ней только живешь?

– Сам не знаю. Не был бы сейчас на самоизоляции, сбежал бы. Перебор.

– Крепись… Значит, они по ближайшим домам пошли. Разумно. Потому что тебя-то они нашли, звезда ты наша. План оперативно-разыскных мероприятий составлен правильно. А вот дальше неувязочка. Сколько таких, как ты, Иванова? Одни на мониторинге сидят, другие не хотят иметь дело с полицией. Значит, свидетелей у них нет. Только ты. Маньяка очень трудно вычислить. Ибо логика его непонятна. Он точно хотел тебя изнасиловать?

– Ну а что еще? Он же меня в снег повалил, шубу рванул, так что я без пуговиц осталась и без пояса.

– Может, просто хотел нанести удар ножом и понимал, что шуба – это препятствие… Как ее убили? Ту женщину?

– Леша, я не в курсе подробностей. Ну, под каким соусом я бы стала их выведывать? Эта Сергеева на меня и так уже уставилась, как на врага народа.

– Кто? Сергеева?

– Ты ее знаешь?

– Убийственная логика обывателя: если человек работает в полиции, то он непременно знает всех остальных сотрудников полиции. Во всем огромном городе. Да просто забавно: моя супруга по первому мужу Петрова. Ты Иванова. По нынешнему своему мужу. А теперь еще и Сергеева к вам добавилась.

– Распространенные фамилии, и что?

– Но ситуация, согласись, далеко не банальная. Ладно, я буду думать. Исходники есть. Ты будь на связи.

– Только ты, Лешечка, быстрее, пожалуйста, думай. Пока мы с Любкой на карантине сидим. А то она на английский ходить собирается. Через парк.

– Я скоро позвоню, – и Градовы дали отбой.

– Уф! – Людмила положила на столик смартфон и перевела дух. – Сразу легче стало. Выговорилась.

– Хорошо, когда есть друзья, правда?

– Вместе мы его быстро поймаем, – самоуверенно сказала она.

– Особенно ты, находясь на карантине, – усмехнулся муж.

– А что? Сейчас вся информация есть в Инете. Вы мне только исходники дайте, – повторила она слова Градова.

И опять супруг посмотрел на нее с печалью. Словно чувствовал, что ближайшие две недели будут жарким даже после того, как у него самого жар спадет.

* * *

На этот раз пес меня прекрасно понял. После того, как я поговорил с его хозяином. Вышло это спонтанно. Мы вместе зашли в лифт. Я спускался в магазин, который находится в нашем же доме, а сосед вернулся с работы пораньше. И мы оказались в одном лифте.

Я увидел в мутном зеркале его отражение. Выглядел он неважно: щеки ввалились и вместе с острым, как орлиный клюв, подбородком заросли щетиной, глаза какие-то ненормально блестящие, взгляд бегает. Он был похож на огромную больную птицу, некогда хищника, а теперь добычу для своих же сородичей. Мне его даже жалко стало. Что-то не то с человеком творится. Он буркнул:

– Здрасьте.

А я промолчал. Лифт тронулся, мы были вдвоем. И тут я не удержался:

– А собачка ваша без вас воет.

– Войдите в мое положение: я весь день работаю.

– Но я-то тоже работаю! Только дома. И мне она мешает.

– Но что я могу сделать?

– Избавиться от пса.

– Каким образом? Усыпить его? – В его голосе была издевка. – Я к нему очень привязан. Это единственная живая душа, которая радуется, когда я возвращаюсь домой.

– А ваша девушка?

– Какая девушка? – удивился он.

– Женщина, с которой вы живете. Она ведь ваша жена?

– Ах, жена… Само собой, она тоже радуется.

– А мне вот так не показалось.

– Вы ее с кем-то видели? – враз насторожился он. – Вы ведь тоже гуляете в парке. Она там с кем-то встречается?

– Делать мне нечего, как следить за чужими женами, – проворчал я. – Просто бабы все, как одна, – стервы. И ваша жена вас тоже обманет. Собачку свою вы ей зря доверяете.

– Войдите в мое положение, – повторил он.

И я вошел. То есть вышел, потому что лифт приехал на нужный этаж. Но поскольку мы были соседями, то он тоже вышел. Теперь мы стояли у лифта. Вдвоем.

– Слышите? – насторожился я. – Она воет!

– Я ничего не слышу, – насмешливо сказал сосед. – У вас, похоже, слуховые галлюцинации.

– Хорошо, я вам ее запишу на диктофон. Как она воет в ваше отсутствие.

– У вас какие-то проблемы? – Он бросил на меня внимательный взгляд.

– Да: ваша собака.

– Ну, это не проблема.

– По сравнению с вашей женой – да.

– Мне не нравятся ваши намеки. – Он нахмурился. Я отметил, что у него необычайно живая мимика. А раньше мне мой сосед казался каким-то заторможенным. С ним явно что-то происходило.

Я почувствовал, как у меня заныла голова. Мне не нужны чужие проблемы.

– Это не намеки, – сказал я через силу, потому что головная боль усиливалась: собака выла. А ее хозяин упрямился. И не хотел войти в моё положение. – Жена вам изменяет и скоро бросит. У нее вид, как у женщины, созревшей для измены. Она вас еле терпит. Когда вы вместе, она смотрит не на вас, а в свой гаджет. Причем неотрывно.

– Сейчас все смотрят в гаджеты, а не друг на друга.

– Не все, – возразил я. – Бывает, что люди женятся по любви. Но это не ваш случай.

– Я вижу, вы большой знаток женщин. Что ж… Это не ваше дело, понятно? – сказал он грубо.

– Да, но что касается собаки…

– Да пошел ты…

Он оттолкнул меня и достал из кармана потрепанной зимней куртки ключи от своей квартиры. Я покачнулся, но на ногах устоял. Меня охватило отчаяние. Он высокий и далеко не хлюпик. Это лишь видимость, что мой сосед ботаник, неспособный дать отпор обидчику.

Подать на мужика в суд? За что? За собаку, которая воет? Встречный вопрос: почему вы живете без регистрации, хотя бы временной? Хозяева квартиры не хотят платить налоги. Я, конечно, могу переехать, но где я найду хозяев, которые хотят платить налоги?

Проблема в том, что я хочу жить именно в этой квартире. Почему это я должен уступать, а не он? И где гарантия, что мои новые соседи тоже не заведут собаку?

Я так и стоял, думая о том, что же мне делать, а сосед меж тем прошел к своей двери и открыл ее. На пороге он обернулся:

– Воет, говорите? – И вдруг он мне подмигнул.

Он! Мне! Подмигнул! И я понял, что он издевается. И пошел вечером в парк. Я решил начать с женщины, потому что с псом опять отправилась гулять она.

И на этот раз собака молчала. Она… Она убежала! Бросила хозяйку, когда я на нее напал. Я понял, что женщинам доверять нельзя, когда дело касается собак…

Я вспомнил… В этот момент я все вспомнил! Как меня били и за что. Я понял, что делаю поздно вечером в этом парке. Я мщу. А при чем здесь хозяйка пса, который воет за стенкой?

В самом деле: при чем?

Как за нами следит Большой Брат

Бывают дни, когда вдруг находятся давно потерянные вещи. Случайно отодвигаешь кресло – а за ним мамино колечко. Как оно там оказалось, непонятно. Потом выныривает мужской носок, когда его брат-близнец давно уже отправился на помойку. Бывает, что и мужчина исчез в неизвестном направлении, а его носок – вот он. Словно ждал удобного момента.

Люба о непарном носке подумала по ассоциации. У нее сегодня находились старые друзья. Сначала позвонила Апельсинчик, а через полчаса – Стас. Хотя его носков в доме у Градовых быть не должно, Самохвалов здесь даже не появлялся никогда. Да и в Любиной квартире этих носков давно уже нет: дом по программе реновации снесли. Вместе с воспоминаниями о Стасе и его скверных привычках, как Люба думала с момента своего замужества: прошлое в прошлом, даже до?ма, где все это случилось, уже не существует. Хотя поначалу было больно.

Самохвалов женился, не на ней, что было особенно обидно после стольких лет запутанных отношений, его жена родила, и не виделись они лет сто, учитывая темп московской жизни. Стас – это Любино далекое беспокойное прошлое, когда она была растеряна, подавлена и невыносимо несчастна после трагической гибели мужа и случившегося в тот же день выкидыша, а капитан Самохвалов возник на пороге, самодовольный, наглый, уверенный, что весь мир лежит в кармане его драных джинсов. И все в мире женщины для него, Стаса Самохвалова, свободны.

Любина мораль рухнула под таким напором, да и то сказать, в делах амурных она была первоклашкой. А Самохвалов – ловелас с вузовским дипломом, ему даже усилий особых прилагать не пришлось, чтобы вскоре после их знакомства его вещи оказались в Любиной квартире.

И первая ее реакция, когда она вновь услышала его голос, была: «Не хочу!» Но потом она спохватилась. Стас теперь безобиден, у него жена, ребенок, а, главное, теща. Тещу Люба видела на свадьбе и даже позлорадствовала. Эта женщина отомстит Самохвалову за всех, кого он обидел. Поэтому Люба спокойно выслушала его «с Рождеством, желаю, рад, и как у вас дела?».

– А у тебя дела не очень, раз позвонил. Угадала?

– Я надеюсь, хоть ты счастлива, – осторожно сказал Стас.

Он давно уже изменился и перестал рубить сплеча. После того как за привычку острить без меры и превышать служебные полномочия, когда везде теперь отчетность и бюрократия, Самохвалова попросили из органов. На вольных хлебах он остепенился и притих. Последний раз, когда они общались, у Самохвалова все было хорошо: он работал в строительной фирме начальником службы безопасности. Где и познакомился со своей Мариной. Счастливо женился, по его же словам.

И вот спустя всего три года это вкрадчивое «хоть ты счастлива».

– Я да.

– Ну, твоему-то мужу потеря работы не грозит: интернет-мошенничество достигло угрожающих размеров.

– Если я правильно услышала, ты работу потерял?

– Официально нет. Мы еще пыжимся. Но ты же понимаешь: кризис. В пандемию стройки свернулись, наш офис долгое время был закрыт, сотрудников перевели на удаленку. Службу безопасности сократили до минимума. Я же не дока в компах, как твой Градов.

– Да, с Инетом ты всегда не ладил.

– Пришлось написать без содержания. Месяца три проедал сбережения. Потом денежки на карту закапали, но по минимуму. Мы вроде бы открылись, но появились серьезные проблемы. Конкуренты успели нас обойти, переманили ключевых сотрудников. А наш босс сел в лужу. Бухал он, короче, на самоизоляции. Обычное дело. Когда круиз по Средиземному морю невозможен, по винным-то регионам он всегда в открытом доступе. Одна бутылка, другая: испанское, кипрское, южноафриканское… Сейчас пытаемся встать на ноги, но плохо получается. А у меня ребенок, жена в декрете. Которая, кстати, в той же компании работает. Да еще ипотека на пятнадцать лет, – заныл Стас.

– Как же ты выкрутился?

– Лучше не спрашивай. Сначала заморозил, потом реструктурировал. Процент удалось уменьшить. Что помогло, но мало, – он тяжело вздохнул.

– Стас, чем я могу помочь?

– Ну, хоть кто-то меня понял, – откровенно обрадовался Самохвалов. – Психолог ты мой. За что я тебя, Люба, всегда любил: за понимание.

– Стас, мы давно расстались, – напомнила она. – Ты не захотел жениться на понимающей женщине.

– Хоть бы спасибо сказала. Теперь у тебя муж крутой. И счастья – вагон.

– Счастье не в деньгах.

– Давай поменяемся? Все так говорят, у кого денег полно, – сердито сказал он. – Повезло тебе, Петрова, не отпирайся.

– И ты хочешь, чтобы я заплатила по выставленному тобой счету?

– Люба, когда у человека жопа, он забывает о гордости. И чем больше эта жопа, тем меньше чувств у него остается. Скажу честно, я дошел до края. Денег хочу. И только денег. Больше никаких чувств у меня не осталось. Я даже жену уже больше не люблю. Не до того.

– Стас!

– Я же тебе как психологу. Или ты за деньги только консультируешь старых друзей?

– Ты просто ноешь. А где крутой мужик, который на раз-два решал любые проблемы? Чем ты сейчас занимаешься? В смысле, где ты работаешь?

– Официально все еще числюсь начальником службы безопасности в своей почти уже разорившейся конторе. Какие-то деньги капают, но мало. А подрабатываю курьером.

– Кем?!

– Господи, в каком мире ты живешь? – сердито спросил Стас. – Вот они, рублевские миллионеры! В упор не видят муравьев, которые привозят им все, от зубных щеток до мраморных статуй в их элитные сады. Служба доставки сейчас одна из самых востребованных. Там полно вакансий. Я работаю на своей машине. Это не основная моя работа, но в случае надобности я могу напрячься и взять побольше заказов. Вчера, к примеру, с пяти вечера до девяти я заработал чистыми две сто. Две тысячи сто рублей, если ты не расслышала, – четко повторил Стас. – Но не всегда бывают удачные дни. Пробки, чтоб их!

– Я поняла. Но у меня нет для тебя работы. Разве что садовником.

– Я согласен!

– Стас, сейчас зима. Надо расчищать снег на участке.

– И это сойдет. Но вообще-то я рассчитывал на твоего мужа, – вкрадчиво сказал Стас. – Он не может меня пристроить обратно?

– Куда? В органы?

– Ну да. Люба, я нахлебался. Частному бизнесу хана. Хорошо сейчас только на госслужбе. И я готов опять впрячься, за хороший паек и кучу льгот. Люба, клянусь, я изменился! Я буду шелковым!

– Но работа в полиции не лежит у Алексея в кармане.

– Ты хотя бы поговори с ним. Очень тебя прошу.

– Хорошо. Сделаю, что могу.

– Все так говорят, – неожиданно разозлился Стас. – Выгуливают белое пальто: молодец, что позвонил, держись, мы с тобой, мы на связи. Но никто пока не помог.

– Стас, ты на меня давишь.

– Да, давлю на твою жалость. У меня мальчик. Первое слово, которое он сказал, было «папа». Я хороший отец, что бы ты там обо мне не думала…

– Все! Хватит! Лучше не поднимай эту тему! Я сейчас же поговорю с мужем. И перезвоню.

– Спасибо.

Она даже не заметила, как Градов вошел в комнату. Сидела с пылающими щеками и ругала себя: прошлое надо оставлять в прошлом.

– Всегда удивлялся: как ты с такой чувствительной душой так долго работаешь психологом и еще не выгорела? – раздался негромкий голос мужа. – Ты же эмпат. Живешь чувствами других, и если им плохо, то и тебя захлестывает. Вон, на тебе лица нет. Так и надорваться можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-andreeva/lyubov-i-smert-na-karantine

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить